

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 12-018

КГБ ПОСЛЕДНИЙ АРГУМЕНТ

И.Г. Атаманенко

(год)

ХРАНИТЬ

вечно

ЛЕТ

Гриф секретности снят

Игорь Атаманенко

КГБ. Последний аргумент

«ВЕЧЕ»

2012

Атаманенко И. Г.

КГБ. Последний аргумент / И. Г. Атаманенко — «ВЕЧЕ»,
2012 — (Гриф секретности снят)

В книге профессионального контрразведчика и литератора рассмотрению подвергнуты основные способы секретного агентурного внедрения в разработку объекта (САВРО), которые в последней трети XX века использовались главными спецслужбами планеты – КГБ и ЦРУ. На основе впечатляющего фактического материала показана роль «композиторов» оперативных разработок – офицеров-агентуристов и добровольных исполнителей их композиций – секретных агентов. Книга рассчитана на массового читателя.

© Атаманенко И. Г., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Предисловие	6
Часть первая. Подстава	7
Семинар первый. Руководитель генерал-майор Козлов Л. И.	7
«Медовая ловушка» для посла. Игры патриотов	7
От подставы – к «медовой ловушке»	9
Плата по кредиту	10
Король розыгрышей	12
Неуязвимая Фаина Георгиевна	19
Семинар второй. Руководитель генерал-майор Кудрявцев В. П.	23
«Медовый капкан» для «Резидентши». Орудие главного калибра – к бою!	23
Тайный кружок «Корсара»	25
Утро секретного агента	28
Приказано совратить	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

И. Г. Атаманенко

КГБ. Последний аргумент

©Атаманенко И.Г., 2012

©ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Моим наставникам-чекистам Вартаняну Геворку, Рожкову
Геннадью, Козлову Леониду
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

Предисловие

«Слава скаковой лошади достается жокею» – это об офицерах-вербовщиках и секретных агентах. Действительно, о разведчиках и контрразведчиках изданы монографии, но что мы знаем об их негласных помощниках? А ведь с библейских времен они были и остаются основной ударной силой любой спецслужбы. Их много. Их сорок сороков. Среди них принцы и дипломаты, адвокаты и аферисты, ученые и спортсмены, писатели и артисты – люди разных национальностей, возрастов, вероисповеданий и сексуальной ориентации. Разумеется, речь идет не только о мужчинах, но и о женщинах. И все они, заложив тело и душу спецслужбе, под руководством своих операторов «таскают каштаны из огня» – добывают информацию, – ибо тот, кто ею владеет, властвует миром.

В книге, которая у вас в руках, с ошеломляющей откровенностью показан мир шпионажа и контршпионажа, где офицеры спецслужб – композиторы, а секретные агенты – исполнители их композиций. Последние, не будучи профессиональными служителями Мельпомены, с ролями, назначенными их операторами, справляются не на сцене – в жизни даже лучше, чем те, кто овладел системой Станиславского. Уж они-то могут сказать о себе:

«Что наша жизнь? Игра. В шпионы!»

От этих «актеров по жизни», от их таланта лицедеев зависит успех операций по **секретному агентурному внедрению в разработку объекта** (САВРО), будь то подстава, ввод или компрометация. Другими словами, они обеспечивают кассовый сбор «спектаклям без цветов и оваций», а скупые аплодисменты под занавес если и раздаются, то лишь в тиши ведомственных кабинетов на Темзе, Лубянке, на Хорошевском шоссе или на Потомаке...

«Ищите женщину!» — говорили французские летописцы, пытаясь найти скрытую пружину истории в страстях человеческих, в непреходящем влечении мужчины к женщине.

«Ищите агента!» – так можно объяснить сегодня многие загадочные поступки людей и события, отмеченные десницей полтергейста. Искусство секретного агентурного внедрения в разработку объекта – это не глушение рыбы динамитом, а состязание изощренных интеллектов. При этом участникам этих состязаний иногда приходится переступать через себя, демонстрируя моветон.

Всё, что сегодня в деятельности секретных служб вам кажется невероятным, станет очевидным по прочтении этой, без преувеличения, сенсационной книги. А чтобы упредить ваши возможные упреки в натурализме сцен и цинизме фигурантов – секретных агентов и их операторов, – цитирую кардинала от шпионажа директора ЦРУ Аллена Даллеса:

«Разведка и контрразведка в скрытом противоборстве действуют отнюдь не в духе рыцарских турниров. Они вызывают к самым низменным страстям и устремлениям и успешно ими используются. В этом – их высший разум. На войне, как на войне, – для достижения результата все средства хороши, когда они наносят урон противнику, даже если и выглядят неэстетично...»

Часть первая. Подстава

Семинар первый. Руководитель генерал-майор Козлов Л. И.

Открывая учебный год на Курсах усовершенствования оперативного состава (КУОС) при Ленинградской школе КГБ, перед молодыми контрразведчиками выступил начальник Отдельной службы генерал-майор Козлов Леонид Иосифович.

– Товарищи офицеры! В ходе занятия я, используя фактический материал, продемонстрирую вам, как на практике реализуется один из оперативных приёмов секретного агентурного внедрения в разработку объекта (САВРО) – подстава.

Рассматривая возможные варианты САВРО, профессионалы приходят к выводу, что оптимальным является подстава, – это когда объекту предлагается то, что он ищет.

Хочу отметить, что подстава – не самоцель, а промежуточное звено в цепи планируемых мероприятий. В случае если она имеет положительную перспективу развития, спецслужба переходит к осуществлению следующего этапа разработки: к добыванию информации, к вербовке, к вводу в разработку другого агента и (или) оперативного сотрудника, или к компрометации.

Подстава имеет одно неоспоримое преимущество: инициатива установления контакта принадлежит объекту, а агенту остаётся лишь не отвергнуть её. Другими словами, объект набирается в друзья к агенту, а не наоборот. Это тем более важно, если объект в силу своей профессиональной принадлежности постоянно находится на чеку или чрезвычайно осторожен по складу характера.

На семинарах нам предстоит проанализировать наиболее яркие примеры САВРО из практики отечественных и иностранных спецслужб.

Прежде чем вы осмыслите подготовленный мною материал, хочу пояснить, что *«медовая ловушка»* на жаргоне англо-американских спецслужб означает использование сексуально привлекательной женщины – *«ласточки»* – в роли обольстительницы при вербовочной разработке, либо компрометации объекта заинтересованности разведки или контрразведки.

Заключительный этап *«загона»* объекта в *«медовую ловушку»*, то есть его вступление в половую связь с *«ласточкой»*, как правило, фиксируется с помощью фото– или видеосъёмки для последующего оказания на него психологического воздействия.

И ещё. В отечественных спецслужбах операция, аналогичная *«медовой ловушке»*, называется *«ловлей на живца»*, а агентесса-обольстительница – *«наживкой»*.

Напоминаю, что непреложным условием участия в семинарских занятиях является полная самоотдача. А искренность вопросов и ответов в ходе свободной дискуссии, вообще, вне обсуждения...

Итак, приступим!

«Медовая ловушка» для посла. Игры патриотов

Известно, что громкие скандалы о провале какой-либо разведки свидетельствуют, прежде всего, о глубине её проникновения в секреты противоборствующей державы. Как говаривал «Моцарт разведки» Аллен Даллес: *«Об успешных операциях спецслужбы помалкивают, а их провалы говорят сами за себя»*.

Скандалы в Англии сначала вокруг имени Кима Филби, а затем и остальных членов «кембриджской пятёрки», или в ФРГ вокруг имени Гюнтера Гийома, советника канцлера Вилли Брандта, свидетельствуют, что советская разведка умела забраться в иноземный ларец за семью печатями.

Тот факт, что наша внешняя разведка не имела грандиозных скандальных провалов во Франции, вовсе не доказательство неуязвимости её секретов или отсутствия к ним интереса со стороны советских спецслужб. Франция никогда не была ни для КГБ, ни для ГРУ объектом второстепенных разведывательных устремлений. Франция, пятая держава мира, и вдруг – на втором плане геополитических и разведывательных интересов СССР? Такого быть не могло, потому что быть не могло *никогда!*

Не кто иной, как советская контрразведка – именно контрразведка, а не разведка, – в конце 50-х прошлого века с успехом использовала стремление генерала де Голля во время его «второго пришествия во власть» к независимости от держав Западной Европы, прежде всего, от Англии.

Соответствующие службы СССР использовали эту потребность президента к независимости настолько эффективно, что возвели между ним и НАТО стену отчуждения и, в конце концов, на целое десятилетие, пока находился у власти генерал де Голль, ослабили Атлантический военный альянс.

Под непосредственным руководством и при личном участии начальника Второго главного управления (центральный контрразведывательный орган КГБ СССР), генерал-лейтенанта Олега Михайловича Грибанова, был завербован посол Франции в Москве мсье Морис Дежан.

Разумеется, подписку о секретном сотрудничестве у посла не отбирали и в торжественной обстановке оперативного псевдонима не присваивали. Явок, в классическом понятии этого слова, то есть на конспиративных квартирах, с ним не проводили. Обучения технике пересъёмки секретных документов на курсах без отрыва от производства он не проходил. Денег в конвертах за свои услуги не получал и, тем не менее, советским агентом посол являлся. Морис Дежан, как сейчас принято в среде профессионалов называть негласных помощников такого калибра, был *агентом влияния*.

В современной практике всех спецслужб мира агент влияния не вербуется, он приобретает, завоевывается, воспитывается терпеливо, ненавязчиво, заботливо, даже услужливо. Всё это делается строго конспиративно, чтобы он – объект вожеланий спецслужбы – ничего не заподозрил.

Ещё более конспиративную форму должно иметь финансирование подобных акций. Как правило, агентов влияния приглашают на различные международные конференции, заседания Обществ дружбы с различными странами, где их выступления-лекции оплачиваются по самым высоким расценкам, им предоставляется возможность опубликовать свои статьи и даже книги в зарубежных издательствах и т. д., но грубый прямой подкуп не допускается ни в коем случае.

* * *

Работа по Морису Дежану, история которой в наши дни насчитывает 55-летний юбилей, конечно, велась не так изощрённо, как если бы её проводили сегодня. Но она была-таки проведена, а посол влиял, да ещё как! Например, на принятие де Голлем решений по многим внешнеполитическим вопросам, прежде всего, по вопросам участия Франции в НАТО. Не без рекомендаций Дежана де Голль вывел свою страну из Атлантического военного альянса, определив в нём присутствие Франции лишь в роли наблюдателя.

Смена внешнеполитического курса деголлевской Франции по отношению к её партнёрам по НАТО была огромной победой СССР, весомый вклад в которую внёс Морис Дежан.

...Планируя вербовку Дежана в качестве агента влияния, генерал Грибанов учитывал не только деловые качества французского дипломата, но и его долгую дружбу с де Голлем, которая началась ещё со Второй мировой войны, когда они были участниками движения Сопротивления. Президент Франции с вниманием относился к точке зрения своего соратника и очень дорожил его мнением по самым различным вопросам международной политики.

Справедливости ради надо сказать, что были и другие фигуры из числа высокопоставленных французских дипломатов, сотрудников посольства в Москве, которые рассматривались КГБ в качестве потенциальных кандидатов на вербовку, но их предложения и советы по поводу политики Франции в отношении СССР и НАТО не имели такого влияния на формирование мнения французского президента, как это было в случае с Морисом Дежаном.

От подставы – к «медовой ловушке»

Чтобы вовлечь посла в орбиту КГБ, был использован такой простейший способ вербовки, с успехом используемый всеми спецслужбами мира, как подстава ему «ласточки» – агентессы, выступающей в роли обольстительницы.

Действительно, зачем мудрствовать лукаво, если было известно, что Морис Дежан, пятидесятилетний элегантный мужчина, не прочь завоевать расположение красивых славянских женщин, чему свидетельствовали его многочисленные попытки посягнуть на их очарование, вплоть до откровенных предложений о вступлении с ним в любовную связь. С учётом этих обстоятельств, посол просто не мог не стать мишенью Комитета госбезопасности СССР.

Кто-то ведь всегда старается сильнее! КГБ старался сильнее, хотя в общей сложности вербовочная разработка французского дипломата, под кодовым названием «ГАЛАНТ», длилась около трех лет, и в ней были задействованы десятки гласных и негласных сотрудников. Хотя в массе это был народец, игравший роль листьев, окаймлявших изысканный букет. Держались они тихо, так как в званиях были невысоких, и поэтому говорили, словно шуршали, и смеялись в кулачок над шутками режиссёра-постановщика – генерала Грибанова и основных актёров действия – Сергея Михалкова, его жены Натальи Кончаловской и некой Ларисы (Лоры) Кронберг-Соболевской, которой было назначено Грибановым сыграть ключевую роль в вербовочной разработке посла...

* * *

В один прекрасный день Грибанов решил, что сентиментальный роман, развивавшийся уже несколько месяцев между Морисом Дежаном и Кронберг-Соболевской, пора дополнить чисто плотскими отношениями.

Время, выбранное для этого, было вполне подходящим: жена посла, госпожа Дежан, убыла из Союза на отдых в Швейцарские Альпы. Объект остался в одиночестве.

В Москву был срочно вызван некто Муса. Персонаж без роду и племени, он в тридцатые годы работал по тюрьмам НКВД палачом, расстреливая «врагов народа». Кроме Мусы в столицу был доставлен бывший уголовник, который в своё время использовался подручными Лаврентия Берия в качестве профессионального убийцы-ликвидатора. Ему предстояло сыграть роль мужа Лоры, который якобы неожиданно вернулся домой из командировки.

Соболевская, следуя линии поведения, отработанной ей генералом, в общении с «душкой Дежанчиком» постоянно жаловалась ему на жестокость и патологическую ревность своего «мужа».

Всем троим – Мусе, ликвидатору, ну и, конечно, Лоре предстояло сыграть главные роли в мизансцене по сломиению воли французского посла.

В день проведения акции Грибанов собрал всю «штурмовую группу» в одном из номеров «люкс» гостиницы «Метрополь».

Расположившись за богато уставленным разносолами столом, ликвидатор, Муса, Соболевская и ещё пара оперов из группы поддержки, неотрывно глядя на Грибанова, внимали каждому произнесённому им междометию.

«Я хочу, чтобы вы его сломили, – обращаясь к Мусе и ликвидатору, с пафосом произнёс генерал. – Сделайте так, чтобы Дежан по-настоящему почувствовал боль. Наведите на него ужас. Но Боже упаси вас оставить хоть малейший след на его лице. Я вас сгною в лагерях!»

* * *

Всё происходило на третьем этаже жилого дома № 2 на Ананьевской улице.

Квартира, где предстояло разыграть спектаклю, была «под завязку» напичкана спецтехникой – аудио-, кино- и фотоаппаратурой. Вокруг дома – специальные посты наблюдения из сотрудников КГБ в штатском и переодетых в милицейскую форму.

Псевдомуж и Муса, выступавший в роли его приятеля, извлекли голых Дежана и Лору из постели и начали с остервенением лупить француза. Строго следуя указаниям генерала, били не по лицу, а в область сердца, печени и почек.

В пылу потасовки досталось и Лоре, которая без устали кричала:

«Прекратите! Вы убьёте его! Это же посол Франции! Что вы делаете?!»

Со своей стороны псевдомуж кричал, что подаст на совратителя своей жены, то есть на посла, в суд.

Дежану, в конце концов, удалось выскользнуть из квартиры – это было предусмотрено сценарием Грибанова – и в сопровождении своего шофера добраться до посольства.

Плата по кредиту

В тот же вечер Морис Дежан должен был встретиться с Грибановым, который находился с послом в прямом контакте, выступая в роли советника председателя Совмина СССР по фамилии Горбунов, чтобы обсудить с ним ряд межгосударственных проблем.

До них дело так и не дошло, потому что весь вечер Грибанов и Дежан обсуждали личные проблемы последнего, который, ничего не скрывая, сказал:

«У меня серьёзные неприятности. Мне нужна ваша помощь».

После чего поведал о своих злключениях и попросил вмешаться, чтобы «муж» Лоры забрал из милиции свое заявление.

Вот тут-то генерал Грибанов и посадил посла «на крючок». Но виду не подал, а с показной заинтересованностью вникал во все перипетии им же и подготовленной драмы...

«Тайна», в которую Дежан посвятил Грибанова, привела к установлению между ними особых отношений.

Посол чувствовал себя одновременно признательным и обязанным своему новому другу из Совета Министров СССР: ведь «муж» Лоры в конце концов согласился забрать своё заявление, а Грибанов впредь ни единым намеком не пытался напомнить Дежану о той кошмарной ситуации, в которую бедняге «случайно» довелось угодить.

Теперь глава французской дипломатической миссии в Москве стал по всем вопросам консультироваться с Грибановым, ведь тот, как-никак, был советником председателя Совмина Никиты Хрущёва!

Поэтому француз считал чем-то само собой разумеющимся обсуждение со своим русским другом различных аспектов международной политики Франции, особенно её отношения с СССР и членами НАТО.

По всем затрагиваемым в беседах проблемам посол давал исчерпывающий расклад, дополняя его собственным мнением и прогнозами. Иногда он даже предостерегал советскую сторону от каких-то неверных, на его взгляд, шагов. Кроме того, в непринужденных беседах с Грибановым Дежан делился своими суждениями о поступках, деловых и личных качествах других западных дипломатов, с которыми он поддерживал отношения в Москве, пересказывал свои с ними беседы, сообщал об их планах в отношении Советского Союза.

В свою очередь Грибанов через Дежана доводил до де Голля то, что было выгодно СССР, что отвечало позиции советского правительства на международной арене. А в качестве вознаграждения послу неоднократно предоставляли возможность изложить своё видение международной ситуации на полосах советских периодических изданий. За что, разумеется, ему выплачивались огромные гонорары в твёрдой валюте. В дни национальных праздников Французской Республики генерал Грибанов от имени советского правительства преподносил агенту дорогие подарки: пасхальные яйца работы учеников Фаберже, ювелирные украшения для мадам Дежан...

Это продолжалось в течение шести лет до сентября 1963 года.

То, что президенту де Голлю стало известно о роли Мориса Дежана в деле откола Франции от НАТО, объясняется заурядным предательством.

Посла как сверхценного источника КГБ «сдал» англичанам некто Кротков Юрий Васильевич – агент экстра-класса НКВД – КГБ, один из основных действующих лиц в вербовочной разработке Дежана.

В то самое время, когда Кротков передавал сотрудникам Сикрет Интеллидженс Сервис известные ему подробности вербовочных подходов к Дежану, КГБ через свою агентуру в окружении де Голля стремился убедить его, что англичане плетут интриги за его спиной, пытаясь вернуть Францию в лоно НАТО, и что речь идёт о заговоре лично против него, потому что англосаксы хотят связать его имя с несостоящим выеденного яйца случаем, представляя его как международный скандал...

В конце концов Комитету госбезопасности это удалось. Франция при де Голле так и не вернулась в Атлантический военный альянс.

Последнее свидание проштрафившегося посла с президентом отличалось беспрецедентной краткостью, ибо заключалось в одной лишь фразе де Голля:

«Итак, Дежан, женщины приносят наслаждение?»

Впрочем, о том, что отношение де Голля к провинившемуся дипломату до конца его жизни оставалось лояльным, может свидетельствовать тот факт, что Дежан не подвергся никаким санкциям, просто был отправлен в отставку, став одним из руководителей ассоциации «Франция – СССР», где проявил себя активным сторонником улучшения взаимоотношений между двумя странами.

Параллельно, будучи назначен генеральным директором небольшого завода по производству советских часов «Слава» в г. Безансон, он выступал за развитие экономического сотрудничества с Советским Союзом.

...Умер Морис Дежан в Париже 14 января 1982 года в возрасте 82 лет.

В некрологе, опубликованном в газете «Монд», коллега Дежана, посол Эрве Альфан, отдал последнюю дань уважения его памяти, особо отметив его замечательную политическую прозорливость. Статья заканчивалась следующими словами: *«...затем он был в течение восьми лет послом в Москве, где, по выражению генерала де Голля, "достойно и с честью представлял интересы Франции"»*.

Таким образом, есть основание утверждать, что Морис Дежан был полностью реабилитирован в глазах общественного мнения Франции...

– Товарищи офицеры! Для закрепления озвученного мною материала старосте группы старшему лейтенанту Казаченко я выдал «Информационный бюллетень КГБ СССР», где изложены детали операции «ГАЛАНТ», то есть загона французского посла в «медовую ловушку». После перерыва обсудим...

Король розыгрышей

– Итак, товарищи офицеры, кто из вас смог бы завербовать такого агента влияния, как посол Франции в Москве? – войдя в аудиторию и на ходу гася ироничную улыбку, задал вопрос Козлов. – Кто хочет высказаться? Казаченко? Вам слово, старший лейтенант!

– Ну, в одиночку, конечно, я не смог бы, но с таким шефом, как генерал-лейтенант Грибанов, – справился бы! – выходя из-за стола и застёгивая пиджак на все пуговицы, начал Казаченко. – А где он сейчас, что он, товарищ генерал-майор? Мы только из обзора и узнали, что был такой начальник Второго главка...

– Вы правильно делаете, что стоите, Олег Юрьевич. О таких волкодавах контрразведки, каким был Олег Михайлович Грибанов, надо говорить, вытянувшись в струнку! Генерал-лейтенант Грибанов, начальник Второго главного управления КГБ, один из самых ловких «рыцарей плаща и кинжала» всех спецслужб мира, после бегства на Запад капитана Носенко в 1964 году был отправлен в отставку, несмотря на то, что в системе властных координат Комитета занимал одно из ведущих мест. К сожалению, звание генерал-полковника, к которому он так стремился, ему не присвоили. После увольнения Грибанов бесследно сгинул в недрах Совета Министров СССР...

Казаченко *протяжно* смотрел на Козлова, размышляя, как правильнее отреагировать на его слова. Наконец нашёлся.

– Товарищ генерал-майор, в обзоре ничего не сказано, почему в любовной мизансцене спектакля, разыгранного для посла Франции, на роль роковой обольстительницы Грибанов утвердил неизвестную актрису Лору Кронберг-Соболевскую, а не прославленную Раневскую, ведь сначала он прочил именно её. Что помешало привлечь к вербовочной разработке посла Фаину Георгиевну? Неужели она не приняла предложение Олега Михайловича оказать помощь органам госбезопасности? Верится с трудом...

Козлов посмотрел на часы.

– Ну что ж, времени у нас достаточно... Слушайте и мотайте на ус!

Во-первых, не Грибанов делал Раневской предложение, ибо в противном случае она никогда бы не посмела отклонить его. Олег Михайлович при своём маленьком росте обладал недюжинной гипнотической силой, великолепным даром убеждения, решительностью и бескомпромиссностью, неспроста подчиненные называли его «маленьким Бонапартом»... Да и собеседника он видел, как на рентгене, – насквозь! Так что, сделай он *лично* предложение Раневской вступить в тайный Орден агентов, вряд ли бы она нашла в себе силы отказать ему, а так... Не только отказала, но и выгоду от игры с сотрудником органов госбезопасности поимела...

Знаете, товарищи курсанты, я всегда, как-то бессознательно, сравнивал две персоналии – Фаину Раневскую и Никиту Богословского. И пришел к выводу, что они по своему психологическому складу – близнецы. Оба умеют создавать водевильные ситуации и розыгрыши – это у них в крови. С одним, но весьма существенным отличием. Судить вам, но сначала – небольшое отступление.

Общеизвестно, что многие писатели используют в качестве прототипов своих литературных персонажей реально окружающих их людей.

Художник Левитан даже хотел стреляться на дуэли с Чеховым, узнав себя в художнике-сердцееде из «Попрыгуньи».

Сегодня уже не секрет, что в авторе «Гаврилиады» – Ляписе – Ильф и Петров вывели Маяковского, не гнушавшегося поставлять праздное стихотворное чтиво профсоюзным журналам, а «загадочная» Хина Члек – возлюбленная «глашатая революции» – Лиля Брик.

А вот известный композитор Никита Владимирович Богословский, наоборот, никогда не позволял себе снисходить до масок – он работал с персонажами напрямую, как хирург в операционной. И даже теснее, потому что работал без перчаток!

Богословский – непревзойденный мэтр розыгрышей, это у него в крови. Уж он кого только не разыгрывал, над кем только не куражился, выставляя на всеобщее осмеяние! Причём, хотя и делалось всё это элегантно-остроумно, но всё-таки было в них, в этих чертовски остроумных розыгрышах, нечто от Мефистофеля. Возможно, потому что в самом Никите Владимировиче каким-то невероятным образом сочетались юношеский романтизм с мефистофельским цинизмом.

В полной мере к Богословскому применимо выражение Оскара Уайльда:

«Что есть джентльмен? Джентльмен – это человек, который совершает поступки, недостойные джентльмена, но совершает их по-джентльменски!»

И ещё. Розыгрыши Богословского я оцениваю как самоцель, ибо подавляющее их большинство бескорыстно – он с них материальных выгод не имел, а моральные и вещественные издержки разыгрываемого – не в счёт.

А вот то, что устраивала Фаина Георгиевна, я бы не розыгрышами – трюками назвал. Потому что они, как правило, были направлены на приобретение каких-то материальных благ, на создание комфортных условий для своего движения по жизни. Впрочем, я лично не вижу ничего в этом противоестественного... Борьба за выживание! И Раневской, как никому из ее коллег, приходилось-таки драться, чтобы выжить. И на сцене, и в быту...

Чтобы проиллюстрировать мои наблюдения, приведу несколько примеров из коллекции розыгрышей Богословского, а вы потом сравните их с тем трюком, что устроила Фаина Георгиевна, когда с нею общался подчиненный генерала Грибанова...

Как только в 1952 году в центральной прессе появилось сообщение, что композитору Соловьеву-Седому за песню «Подмосковные вечера» присуждена премия в 10 тысяч рублей, Никита Богословский направил от его имени заявление в бухгалтерию Союза композиторов СССР. Просил перевести гонорар в отделение связи, обслуживавшее его дом в Художественном проезде.

Получив деньги, Никита Владимирович с усердием начал пропивать их. По русской традиции *на троих*. Событьчиками Богословского выступили поэт Михаил Светлов и писатель Юрий Олеша. Первые тосты произнесли за гений Соловьева-Седого и за талант Богословского... подделывать подписи.

Но недолго музыка играла!

Обманутый композитор, получив в бухгалтерии адрес почтового отделения, куда был перечислен гонорар, сразу всё понял и ринулся к Богословскому. Тому ничего не оставалось, как вернуть деньги, а за свою находчивость получить от Соловьева-Седого пол-ящика водки и продолжить возлияние с событьчиками.

Инцидент, благодаря стараниям автора «Подмосковных вечеров», широко обсуждался московским бомондом.

Нашлись в той среде и юристы, объяснившие Никите Владимировичу, что подделка чужой подписи может привести к конфликту с Уголовным Кодексом.

Наставлениям юристов Богословский не внял, подписи подделывать не перестал, а друзей и недругов разыгрывал ещё более дерзко и изощрённо. Хотя формально к розыгрышам не имел ни малейшего отношения – всё делал от имени официальных инстанций.

Идём дальше...

Звонит как-то Богословский актёру Царёву от имени министра морского флота – просит разрешения назвать его именем океанский лайнер. Но одно условие – согласие парткома театра. На следующий день перезванивает, извиняется, говорит, что Политбюро ЦК решило присвоить лайнеру имя героя революции, но есть пароход поменьше. Актёр вновь идёт в партком...

Так, снижая тоннаж и значимость судна, в конце концов, предложил дать имя Царёва какому-то катерочку-дерьмовозу...

Когда курсанты перестали смеяться, Козлов невозмутимо продолжил:

– Или вот еще пример богословского розыгрыша...

У писателя Виталия Губарева была манера позвонить и объявить, что вечером придёт в гости. Не спрашивая, ждут ли его, свободен ли хозяин. Очередной его визит Богословский встретил во всеоружии: заехал в Радиокomitee к Юрию Левитану и упросил его наговорить текст. Полну горницу гостей созвал на вечер. Губарев не заставил себя ждать – тут как тут. Сидят, выпивают... Композитор сделал вид, что включил радиоприёмник, на самом деле – магнитофон. Неповторимый голос Левитана:

«...в области драматургии присудить: Лавренёву Борису Андреевичу – Сталинскую премию третьей степени... Губареву Виталию Георгиевичу за пьесу «Павлик Морозов» – Сталинскую премию третьей степени...»

Шум, гам, поздравления...

Счастливый Губарев мчится, ног под собой не чуя, в магазин за шампанским, фруктами. Пир разгорается с удвоенной силой... Кто-то предлагает послушать «Последние известия» целиком. У Богословского припасена ещё одна запись. Вновь Левитан перечисляет фамилии награждённых и заканчивает выступление словами:

«Губареву Виталию Георгиевичу за пьесу “Павлик Морозов» – них!..»

Когда смех стих, Козлов невозмутимо продолжил:

– Никита Владимирович был неистощим на розыгрыши... И вы это сполна оцените, когда узнаете ещё об одном...

В начале 1970-х актер Станислав Сададьский, персонаж тщеславный и предприимчивый, перебравшись из Ярославля в Москву, прилагал неимоверные усилия, чтобы пролезть в элитный клуб мэтров кино, да и вообще, стать своим в столичной творческой тусовке. Походя хлопнуть пониже спины какого-нибудь мартинсона или жарова, а потом об этом растрезвонить на весь свет – смотрите, какой я крутой! – это было в духе Сададьского.

В попытках проникнуть в круг избранных и стать запанибрата со звездами экрана ему помогала актриса Римма Маркова. Будучи значительно старше, она патронировала Сададьскому, как родному сыну, и, надо отдать ей должное, стала той ракетой-носителем, что вывела его на московскую орбиту. Искренне веря, что юному дарованию не хватает лишь влиятельных связей и знакомств, чтобы занять свою нишу в гламурном мире, Маркова не упускала ни одной, даже заведомо провальной возможности, чтобы протолкнуть его в свет.

Зная, что сливки столичного бомонда обычно собираются у Богословского, Маркова донимала его просьбами пригласить Сададьского к себе на какой-нибудь раут, званый ужин или просто на посиделки со знатными и великими. Этим она и композитора достала и неприязнь внушила к своему протеже.

Делая вид, что уступил домогательствам Марковой, Никита Владимирович не отказал себе в удовольствии и устроил розыгрыш, где осмеянной, нет! – одураченной и одиозной фигурой стал её подшефный...

Считаю, что Богословский задумал и провёл эту акцию не столько из любви к жанру и не только потому, что следовал своей традиции опробовать клинок на новой фактуре. Нет! Думаю, что мотивы, которыми он руководствовался, были иного свойства. И вот почему. Будучи наслышан о Стасике-карасике как о беспримерном скандалисте и переносчике сплетен, Никита Владимирович решил наказать его, выставив дураком. Чем, надо полагать, нимало

потрафил недоброжелателям Марковой и Сададьского, а заодно и вызвал зависть у своих соперников-пересмешиков...

Но если бы на розыгрыше всё закончилось, так нет же! То, что Сададьский после инцидента стал *persona non grata* для тусовок московской золотой молодёжи, – полбеда. Хуже другое – его на пушечный выстрел перестали подпускать к московским великосветским салонам – местам заседаний ареопага самых авторитетных деятелей театра и кино, в которых так нуждался Сададьский для продвижения по рампе и по жизни...

Было так.

2 сентября 1973 года исполнилось 40 дней траурной дате – смерти поэта-песенника Михаила Исаковского. Сороковину решили отметить в хлебосольном доме Никиты Владимировича.

К 16 часам на квартире Богословского собрался цвет столичной и союзной интеллигенции – генералы и маршалы от литературы, музыки, театра и кино. Все – в чёрных костюмах, белых рубашках, при галстуках, как и подобает скорбности момента. Сидят, чинно произносят речи и тосты, в меру пьют, обильно закусывают.

Как вдруг ровно в 17 часов в квартиру, сменяя челядь, что прислуживала за столом, вошёл Сададьский с гармошкой-двухрядкой и с двумя девками в изрядном подпитии. Но венец картины под названием «Не ждали» в другом: Стасик явился... в костюме дятла! С головы огромный чёрный клюв свисает, сам он в чёрное спортивное трико одет, а крылышки, как у цыпленка-табака, сзади, из спины торчат. Девки, наоборот, во всё белое вырядились, голубок изображают...

Шум, гам, песни, пляски в одном конце комнаты. Недоуменные взгляды и каменные лица – в другом. И так – минуты три продолжалось. Пока из-за стола не поднялся Ян Френкель, да как гаркнет:

«Это что за маскарад, мать вашу?! А тебя, дятел-долболом, я узнал... Ну-ка, вон отсель, чтоб духу твоего не было, а не то я те клювик враз обломаю!»

Стасик смешался. Клювиком, что на голове, пытается лицо закрыть, а девки – хоть бы хны! – пляшут и орут: «Любо, братцы, любо, любо, братцы жить, с нашим Богословским не приходится тужить!»

Тут уж цвет и гордость отечественного искусства не выдержали. Все разом из-за стола, да на троицу – прыг. Задали им такого трепача, что только крылышки чёрные да белые по комнате разлетелись! Спровалили троицу удалую и обратно – к столу. Смотрят на хозяина, а в глазах немой вопрос. А он сидит, беззаботно курит и привычной своей загадочно-ироничной улыбкой улыбается. Наконец расщепил уста и молвил: «По этому поводу, господа, Оскар Уайльд сказал так: *“Чтобы пробиться в высшее общество надо либо кормить, либо развлекать, либо возмущать”*».

Ну, что вы хотите от выпускника Ярославской филармонии? Чем богат этот убогий, тем и рад... А впрочем, он поступил в соответствии с афоризмом великого “голубого” англичанина: *возмутит* всех нас, не так ли, господа?»

С тех пор дорога Сададьскому в самые знатные дома Москвы была заказана...

...Козлов, пытаясь определить реакцию на свой рассказ, хранил молчание и *протяжно* смотрел на курсантов. Только вот улыбались они чересчур натянуто. До конца выдержать паузу генералу не дал вскочивший из-за стола Казаченко.

– Леонид Иосифович, а где же розыгрыш, в чём фишка?

– Фишка в том, что Богословский пригласил Сададьского на бал-маскарад. Предложил нарядиться дятлом, так как другие костюмы, мол, уже разобраны, а чтобы выглядеть значительнее, посоветовал взять с собой пару девиц, наряженных голубками. И время назначил: семнадцать ноль-ноль, когда все именитые уже будут за столом...

Козлов, дождавшись, когда стихнет смех, продолжил:

– Должен заметить, товарищи офицеры, что все озвученные мною примеры из коллекции Богословского – лишь проказы школьника в сравнении с розыгрышем, где «мальчиком для битья» предстал Сергей Михалков...

– Дядя Стёпа?! – Казаченко удивленно вскинул брови.

– Он самый...

Сейчас уж никто и не вспомнит, как и почему между Богословским и Михалковым кошка пробежала. О причинах конфликта можно дискутировать сколь угодно долго, но всё это будет на уровне гипотез, а истины не знает никто...

Возможно, они в молодые годы не поделили какую-то барышню, как знать? Ведь оба слыли неужёнными ловеласами – ни одной юбки не пропускали!

Не исключено, что неприязнь Богословского к Михалкову была вызвана тем, что тот был всячески обласкан предрежущей властью: три Сталинские премии 1-й степени, Госпремия, Ленинская премия, звание Героя Соцтруда, целый иконостас орденов и медалей, ну и прочее... А Богословский? Он продолжал ходить в рядовых композиторах, и никаких ему Госпремий и званий! Лишь в 1973 году, к его шестидесятилетию, Министерство культуры решило облагодетельствовать композитора, присвоив ему звание народного артиста РСФСР. И это притом, что закрома отечественной культуры, благодаря архиплодovitой творческой деятельности Богословского, пополнились более чем 200 песнями, двумя десятками опер и оперетт, симфониями...

Забегая вперед, скажу, что когда Никите Владимировичу стукнуло 85, то вдруг президент Ельцин пожаловал ему орден «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени.

Награждение Богословский воспринял с присущим ему юмором: «Орден 4-й степени? Да это же намёк на мой возраст! Я – осётр 4-й степени свежести...»

– Острым на язык был мужик! – восхищенно произнес Казаченко.

– Не без этого, впрочем, острый язык – лишь гонец интеллекта... В 1970 году, вслед за назначением Михалкова председателем правления Союза писателей СССР, в Комитет поступила анонимка. Автор сообщал, что всем членам правления стало известно, что Сергею Владимировичу за плодотворную работу на органы госбезопасности пожалован чин генерала. Его, дескать, даже кто-то видел в окне личного кабинета на Лубянке, когда он облачался в генеральский мундир, увешанный орденами и медалями. Каждый год 20 декабря – в день создания органов ВЧК – КГБ – Михалков собирает в своём кабинете особо приближённых лиц и первый тост произносит во славу органов госбезопасности, заявляя, что себя тоже считает чекистом...

Для руководства Пятого (идеологического) управления КГБ СССР, которое в то время держало под прицелом всю интеллигенцию страны, в том числе и творческие Союзы писателей, композиторов, художников, не было секретом, что распространителем слухов о принадлежности Михалкова к органам гэбэ (что соответствовало действительности!) является композитор Богословский.

В КГБ восприняли анонимку как очередной розыгрыш Богословского, несмотря на то, что исполнена она была не рукой композитора. А всё потому, что Никита Владимирович хорошо знал, что такое графология, и как умело ею пользуются эксперты Пятого управления. К тому же, юристы предупреждали...

Как оказалось, анонимка была лишь пристрелочным выстрелом, а «огонь на поражение» не заставил себя ждать.

Широко известен розыгрыш Богословского, когда в результате многоходовой головоломной операции, задействовав своих знакомых из Министерства связи, друзей-писателей и композиторов, он направил в адрес руководства Союза писателей СССР поздравительную телеграмму от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР. Всё – чин чином, бланк правительственный, подписи на месте – придраться не к чему!

В телеграмме сообщалось, что через месяц Сергею Владимировичу Михалкову будет присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и Золотой медали. Учтено было даже время поступления телеграммы в правление Союза писателей – она пришла, когда Михалков находился в отпуске и был недосыгаем и, главное, – в блаженном неведении!

В телеграмме предлагалось провести чествование новоиспеченного Героя широко, не считаясь с затратами, придав событию достойный случаю мощный общественный резонанс.

После этого во всех творческих Союзах пошли обсуждения, пересуды, обмен мнениями. Все ждали возвращения кандидата в юбиляры...

Ко времени возвращения Михалкова в Москву вся столичная богема уже свыклась с тем, что награждение неминуемо.

На этом и был построен богословский расчёт: чем больше людей будет знать о предстоящем награждении, тем больше будет звонков и поздравлений в адрес юбиляра. Как следствие – тем больше он сам уверует в то, что награждение – не блеф, но явь, которая вот-вот обретёт реальные очертания в виде золотого пятиконечника звезды рядом с орденским платиновым барельефом Вождя на лацкане пиджака...

Через день-два после возвращения Сергея Владимировича из отпуска к нему в кабинет явилась представительная делегация из маститых писателей, литераторов и композиторов во главе с первым заместителем Марковым.

Он выступил вперед и от имени присутствующих произнёс панегирик, по окончании которого прозрачно намекнул, что наиболее преданные юбиляру и социалистическому реализму творческие работники не отказались бы выразить свою радость во время застолья.

Михалков с готовностью достал из шкафа *дежурную* бутылку коньяка.

«Ну, нет, Сергей Владимирович! Бутылкой коньяка вы на этот раз не отделаетесь! – запротестовала публика. – Стол, и только обильный стол в хорошем ресторане может стимулировать красноречие поклонников вашего таланта... Тем более, Никита Владимирович Богословский уже положил на музыку здравицу в вашу честь...»

Богословский – сама скромность – притаился серой мышкой в углу и только головой кивал. Всем своим видом старался показать, что он – человек маленький, случайно оказавшийся в этой представительной делегации маститых ходоков...

В общем, то, что тогда Богословскому удалось *выставить из денег* Михалкова, – факт широко известный. Накрыл-таки Сергей Владимирович стол в подмосковном ресторане «Русь»...

Но, повторяю, товарищи офицеры, о том, что Михалков вынужден был устроить банкет по случаю присвоения ему звания Героя, знали все. А вот о том, что произошло там, в банкетном зале, известно было немногим, а сегодня об этом помнят единицы...

Мы за ценой не постоим...

Наталья Кончаловская, жена Михалкова, решила появиться на званом ужине в обновке. Заказала портнихе роскошное платье, ну, там рюшечки, оборочки всякие. Но главное достоинство наряда было в ткани. Ткань, разумеется, импортная, была немислимо дорогой и, конечно же, редкой.

Отоваривался творческий люд в специализированном магазине. Сейчас уж и не вспомню, как он назывался, то ли «Лавка литератора», то ли «Лавка писателя». Доступ туда имели только маститые члены Союза писателей, художников и композиторов СССР. Вход – строго по предъявлении членского билета.

Эта бестия Богословский заранее всё просчитал и, зная, что Кончаловская обязательно пошлёт себе новое платье по случаю выхода в свет, заявился в «Лавку».

Голосом столичного администратора, приехавшего с гастрольями в провинциальный городишко, скомандовал:

«Так! Немедленно покажите мне, из какой ткани взяла себе отрез на платье Наталья Петровна!»

«Кончаловская?»

«Ну, а кто же ещё?!» – вскипел Богословский.

«Да вот, – вытаскивая штуку материи из-под прилавка, говорит оробевшая под натиском знаменитого композитора продавщица, – отсюда...»

«Я забираю весь рулон!» – заявил Богословский.

«Да он же немислимых денег стоит!»

«Ничего, – ответил вошедший в раж пересмешник, – Сергей Владимирович нынче при деньгах, они и расплатятся с вами... Сейчас они очень заняты, поэтому поручили забрать оставшуюся ткань *мне*! Вы же сама женщина, и понимаете, каково оказаться в одной компании в двух одинаковых платьях. Тем более, что круг будет очень узким. Не более десяти пар. Вы представляете, что произойдёт, если на ком-то будет такое же платье, как на Наталье Петровне! Это же – конфуз, позор! Она этого не переживет! Давайте, давайте живее всю *штуку*! А деньги, как я вам уже сказал, Сергей Владимирович подвезут на днях...

Кстати, вы разве не слышали, что ему вот-вот должны присвоить звание Героя Социалистического Труда?! Это для нас, рядовых смертных, важнейшим из искусств является искусство достать деньги, а для него – нет!»

«Батюшки святы, радость-то какая! Передавайте наши поздравления Сергею Владимировичу! Но деньги пусть завезёт при первой же okazji!»

«Всенеременно-с...»

Надо сказать, что в «Лавке» Богословского знали как постоянного клиента и поэтому верили на слово.

Беспримерный ловелас, он каждую свою новую пассию, – как правило, это были девочки из провинции, – норовил затащить в «Лавку». С одной целью – пустить пыль в глаза провинциалке. Знай, мол, лимита, с кем дело имеешь – передо мной все двери открыты нараспашку. Будешь покладистой и сговорчивой – всей этой роскошью я тебя осыплю!

«Декорации расставлены. Мотор!»

Из «Лавки» Богословский со штукой материи под мышкой помчался в «Русь».

«Когда и в каком зале будет праздновать свой юбилей *Гертруды*?»

«Какая-такая *Гертруда*?»

«Да никакая не *Гертруда*, а Герой Соцтруда Михалков Сергей Владимирович! *Гертруда* – это его последнее прозвище – Герой Труда!»

«А-а... Так это будет послезавтра, в шесть вечера... Вот здесь, в малом банкетном зале...»

«Значит так, милейший! – тоном сержанта сверхсрочника скомандовал Богословский. – Вот вам материя... Сергей Владимирович желают, чтобы зал был задрапирован именно ею! Особенно та часть стены, где он будет сидеть с супругой. Все ясно? Завтра вечером я наведуось и проинспектирую, всё ли сделано так, как того пожелал *Гертруда*... Приступайте!»

* * *

Супруги Михалковы – Кончаловские задержались и появились на званом ужине, когда все гости – писатели с жёнами – уже успели устроиться за столом и оживленно обсуждали интерьер. Особый интерес у присутствовавших вызывала драпировка стен банкетного зала.

«Послушайте, любезный, – обратилась жена придворного писателя Вадима Кожевникова к стоящему в позе часового у Мавзолея метрдотелю, – у вас что, лучшей материи для драпировки зала не нашлось? Это ж чёрт знает что! Драпировать стены банкетного зала каким-то весёленьким кримпленчиком! Можно подумать, мы в привокзальный кабак попали... С ума можно сойти! Судя по расценкам вашего ресторана, вы могли бы позволить себе не какой-то кримплен на стены, а настоящие гобелены! Уж я-то в них толк знаю!»

«Ни в коем разе, уважаемая! – отвечивал служка. – Сергей Владимирович лично выбирали ткань, и зал декорирован по его указанию! Героям, поди, виднее, чем драпировать стены...»

Дискуссия была прервана появлением в проёме двери юбиляра под руку с женой.

Все приглашенные вскочили и как истуканы усталились на Кончаловскую. На ней было платье из той самой материи, которой... был задрапирован зал!

Немая сцена из «Ревизора».

Намётанный глаз дочери художника Наталью Петровну не подвёл: она сразу увидела, что в своем роскошном платье сама является составной частью интерьера. И где?! В каком-то кабаке!!

Мгновение, и она бросилась прочь. Сергей Владимирович лишь успел прокричать ей вслед:

«Вы куда, Наталья Петровна?!»

Но Кончаловской уже и след простыл.

Кто-то ринулся к выходу, кто-то, наоборот, стал накладывать себе в тарелку экзотические разносолы – не пропадать же добру из-за какой-то драпировки!

Богословский успокоил собравшихся:

«Думаю, Сергею Владимировичу не помешает репетиция перед вхождением в герои... Он ведь им всё равно станет, поверьте моему чутью... Так что, друзья, пейте и ешьте в своё удовольствие!

Думаю, что когда наш Дядя Степа действительно будет представлен к Золотой Звезде, то вы такого стола уже не увидите... Так что, постарайтесь напиться впрок! Будет что вспомнить. Хотя, хмелеть по памяти невозможно... А жаль!»

Слова Богословского оказались пророческими. Когда Михалкову вручили Золотую Звезду Героя, он на следующий же день укатил куда-то за рубеж. Подальше от «Руси»...

– Ну, как, товарищи курсанты? Впечатляет?

– Куда уж более, Леонид Иосифович! – за всех ответил Казаченко.

– А теперь, – Козлов прочистил горло, – о трюке Раневской.

Неуязвимая Фаина Георгиевна

Грибанов, в силу своей занятости и других обстоятельств, на встречу с Раневской послал молодого опера по фамилии Коршунов, у которого за душой было всего лишь начальное образование и двухлетнее производственное обучение на токаря на заводе «Красный Октябрь». В общем, мы из-за нищеты своей – нехватки эрудированных кадров – выпустили недоучку на рафинированную интеллигентку, народную артистку СССР.

Предполагалось, что это будет моментальная вербовка в лоб.

Предполагал, как выяснилось, Грибанов, а располагала Раневская!

Почему? Да потому, что в той ситуации она проявила себя не только гениальной сценической артисткой, но и величайшей актрисой по жизни, обведя вокруг пальца недотёпу Коршунова, как мальчишку. Словом, бестия, а не женщина!

Коршунов начал вербовочную беседу, как тогда было принято, издалека.

И о классовой борьбе на международной арене, и о происках иностранных разведок на территории Советского Союза поведал Раневской.

Прочитывал пару абзацев из новой, хрущёвской Программы КПСС, особо давил на то, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. Но! Беда в том, что проклятые наймиты империализма в обличье иностранных секретных служб пытаются подставить подножку нашему народу, семимильными шагами движущемуся к светлому будущему всего человечества – коммунизму.

Невзначай напомнил также и о долге каждого советского гражданина, независимо от его профессиональной принадлежности и пола, оказывать посильную помощь органам государственной безопасности в их ратном труде по защите завоеваний социализма...

Словом, подал Коршунов себя в наихудшем свете – выступил в роли лектора сельского клуба, а не вербовщика. И великая актриса сразу догадалась, к чему клонит её визави, но виду не подала.

Стукачество в артистической среде было всегда, ещё при царях, весьма распространённым явлением. Весь бомонд, не таясь, обсуждал его. И было оно притчей во языцех. А уж вокруг Фаины Георгиевны... Там, вообще, агент на агенте сидел и агентом погонял! Ей ли было не знать, что все её коллеги-артисты уже давно завербованы-перевербованы, так что это Коршунов считал, что он ведёт игру с закрытыми картами, имея старшие козыри на руках. Для Раневской все его потуги были секретом Полишинеля...

Полагаю, что, вслушиваясь в страстный монолог Коршунова, Раневская прикидывала, как ей элегантней уйти от предложения, которое, конечно же, должно последовать по окончании пламенной речи этого трибуна из КГБ...

Сначала она провела кинжальную разведку боем. Спросила:

«Молодой человек, а где вы были раньше, когда я ещё не успела разменять шестой десяток?»

«Что вы, что вы, Фаина Георгиевна! – вскричал, переполошившись, Коршунов, которому показалось, что пароход уходит от причала прямо на его глазах. – Вам больше тридцати никто не даёт, поверьте... Вы – просто девочка по сравнению с другими артистками вашего театра!»

Коршунов, предвкушая оглушительный триумф после исполненной увертюры, даже не заметил, что допустил оплошность, назвав Раневскую девочкой...

Ну, вы представляете, товарищи курсанты, как можно такую глупость в глаза *бабушке* сказать... Назвать девочкой знаменитую актрису, которая ему по возрасту годилась в матери, это – верх бестактности!

А Фаина – ничего. Девочка я для вас, ну что ж, значит, девочка. Так тому и быть! Женщине, в конце концов, столько лет, на сколько она выглядит...

Закуривает она очередную «беломорину», хитро так прищуривается и при этом спокойно говорит:

«Мне с вами, молодой человек, всё понятно... Как, впрочем, и со мной тоже... Без лишних слов, заявляю: я давно ждала этого момента, когда органы оценят меня по достоинству и предложат сотрудничать! Я лично давно к этому готова. Н-да... Разоблачать происки ненавистных мне империалистических выползней... Можно сказать, что это – моя мечта детства. Но... Есть одно маленькое «но»!

Во-первых, я живу в коммунальной квартире, а во-вторых, что важнее, я громко разговариваю во сне. Вот и давайте, коллега, а по-другому я вас, молодой человек, и не мыслю с тех пор, как мы встретились. Да, вы – мой коллега! Так вот, давайте вместе, как чекисты, поразмыслим...

Представьте, вы даёте мне секретное задание, и я, будучи человеком обязательным и ответственным, днём и ночью обдумываю, как лучше его выполнить, а мыслительные процессы, как вы, конечно, знаете из психологии, в голове интеллектуалов происходят беспре-

рывно – и днём и ночью... И вдруг! И вдруг ночью, во сне, я начинаю сама с собой обсуждать способы выполнения вашего задания. Называть фамилии, имена, клички объектов, явки, пароли, время встреч и прочее... А вокруг меня соседи, которые неотступно за мной следят вот уже который год подряд. Они же у меня под дверью круглосуточно, как сторожевые псы лежат, чтобы услышать, о чём и с кем это Раневская там по телефону говорит! И что? Я, вместо того, чтобы принести свою помощь на алтарь органов госбезопасности, предаю вас! Я пробалтываюсь, потому что громко говорю во сне... Нет-нет, я просто кричу обо всём, что у меня в голове...

Я говорю вам о своих недостатках заранее и честно... Ведь между нами, коллегами, не должно быть недомолвок, как вы считаете?»

«Разумеется, Фаина Георгиевна...»

«Вы поймите меня правильно. Я хочу, чтобы наше с вами будущее сотрудничество развивалось на принципах взаимного доверия и искренности, или я ошибаюсь? Если я ошибаюсь – поправьте меня, уберегите меня от совершения в будущем роковой ошибки! Я бы даже сказала – от непредумышленного предательства... Но что делать, если мои родители передали мне такой порок – громко разговаривать во сне? Я уже обращалась к врачам, к светилам медицины – всё пустое, ничего поделать не могут... Никакие снотворные и транквилизаторы не помогают... Может быть, у вас, товарищ Коршман, извините, товарищ Коршунов... имеются какие-то спецпрепараты, чтобы не выбалтывать секреты... во сне?»

Страстный и сценически выверенный монолог Раневской потряс Коршунова. С явки он ушёл подавленный и напрочь разбитый железными аргументами кандидатки на вербовку.

Доложив о состоявшейся вербовочной беседе Грибанову, он в заключение доклада сказал:

«Баба согласна работать на нас, я это нутром чую, Олег Михайлович! Но... Есть объективные сложности, выражающиеся в особенностях её ночной физиологии...»

«Что ещё за особенности? – спросил Грибанов. – Мочится в постель, что ли?»

«Нет-нет! Громко разговаривает во сне... Да и потом, Олег Михайлович, как-то несолидно получается... Негоже всё-таки, нашей прославленной артистке занимать комнату в коммунальной квартире... Полагаю, что ради того, чтобы привлечь Раневскую к секретному сотрудничеству и эффективно её использовать в наших интересах, надо бы ей выделить отдельную квартиру... У меня – всё!»

«Что ж, подумаем...» – ответил неопределённо Грибанов, но через месяц Раневская праздновала новоселье в высотке на Котельнической набережной.

И тогда Коршунов вновь пошёл на приступ, стал названивать в театр Моссовета, где трудилась Раневская, чтобы, значит, встретиться с ней и формально узаконить состоявшуюся вербовку отбором подписки о добровольном сотрудничестве, неразглашении и т. д. Ну, в общем, соблюсти все формальности.

Однако каждый раз выяснялось, что Фаина Георгиевна не может с ним встретиться либо по причине своей занятости, либо состояния здоровья – то она готовится к премьере, то у неё сплин, то насморк.

Когда же наконец в телефонной трубке он услышал её воркующий голос, очень доверительно сообщивший ему, как коллеге и товарищу по борьбе, что у неё начались какие-то «критические дни», и поэтому она просит вновь перенести свидание, он рассвирепел и в сердцах бросил ей что послезавтра приедет к ней домой, в новую отдельную квартиру, для окончательного расчёта. Не знал молодой лейтенант с начальным школьным образованием, с кем столкнула его судьба, и какой прожжённой бестией оказалась обхаживаемая им «кандидат на вербовку»!

...На следующий после разговора Коршунова с Раневской день, рано утром, в приёмной КГБ при Совете Министров СССР появился некий мужчина с испитой рожей неопределённого возраста – от пятнадцати до восьмидесяти пяти – и попросил принять от него заявление.

Настаивал, чтобы оно было обязательно зарегистрировано, потому как дело чрезвычайной государственной важности...

Коллективное заявление жильцов высотки на Котельнической набережной, где уже месяц проживала Раневская, через час лежало на столе у Грибанова, потому что ему и было адресовано.

В своём обращении квартиросъёмщики (всего десять подписей), проживавшие над квартирой Раневской, просили органы госбезопасности разобраться с некой артисткой (фамилия Раневской в заявлении не указывалась), которая ночи напролёт вопит о происках империалистических разведок. Рассуждает, как разделается с ненавистными супостатами, и какую Кузькину мать она им покажет, едва только её примут в органы госбезопасности внештатным сотрудником.

Через час Коршунов стоял по стойке «смирно» в генеральском кабинете. Грибанов отдал ему заявление со словами:

«На Фаине поставь крест, ищи кого-нибудь другого... Молчащего во сне. Всё! Свободен!»

По прошествии некоторого времени Коршунову от агентуры, окружавшей Раневскую в театре им. Моссовета, стали известны подробности создания пресловутого «коллективного заявления».

Артистка за две бутылки водки соблазнила на эту акцию сантехника из ЖЭК, того самого заявителя с испитым лицом. В общем, наш поезд проследовал дальше без Раневской...

– А квартира, товарищ генерал-майор? – хором воскликнули курсанты.

– Квартира осталась Раневской! Как сказала бы артистка, перефразируя свой собственный афоризм об отношении больного и медицины: *«Если прославленная артистка очень хочет жить в элитном доме, то КГБ бессилён!»*

Впоследствии Фаина Георгиевна, приглашая коллег – среди них было немало наших агентов, которые по ней и работали, что для неё секретом не являлось – на чашку чая в свою новую квартиру на Котельнической набережной, ещё долго вспоминала общение с Коршуновым. Как бы оправдывая свой дьявольски изощрённый трюк с «коллективным заявлением», неизменно повторяла:

«Девочки, вы должны меня понять. Я отказала гэбэ лишь по одной причине. Дать органам много я не могу, а мало мне совесть не позволяет – проклятое воспитание!»

Вот после такого её фортеля Олег Михайлович и принял решение срочно заменить Фаину Георгиевну...

Слава Богу, не скудеет земля русская красивыми умными женщинами! Нашли! Ларису (Лору) Кронберг-Соболевскую, разведённую актрису, которой предстояло сыграть в своей жизни главную, а в жизни посла Франции – роковую роль.

И она её исполнила с блеском. За что была награждена генералом Грибановым роскошными швейцарскими часами, выполненными из золота и бриллиантов. А ваш покорный слуга, – Козлов пальцем ткнул себя в грудь, – получил орден Красной Звезды!

Семинар второй. Руководитель генерал-майор Кудрявцев В. П.

– Уважаемые товарищи курсанты! На предыдущем занятии вы узнали, как реализуется операция под общим названием *«медовая ловушка»*. Сегодня вам предстоит узнать подробности реализации аналогичного мероприятия, под кодовым названием *«медовый капкан»*. Замечу, что по сути своей они сходны – всё сводится к обольщению объекта оперативной разработки. Различие лишь в том, что в первом случае в главной роли выступает женщина – *«ласточка»*, а во втором – агент мужчина, на оперативном слэнге – *«ворон»*.

Как вы понимаете, иногда при проведении подставы первый шаг может принадлежать агенту, но делает он его лишь для того, чтобы попасть в поле зрения объекта. Действительно, верится с трудом, что бы объект, нацеленный на приобретение связей среди военнослужащих МО СССР, упустил шанс войти в контакт, а затем и сблизиться со старшим офицером ВМФ. А лучших условий для секретного внедрения, чем подстава агента в форме капитана первого ранга в момент, когда объект попал в затруднительное положение в незнакомой (если не сказать, враждебной) среде, придумать сложно.

Итак, товарищи курсанты, подстава «ворона» в ходе реализации операции «РЕЗИДЕНТША»...

«Медовый капкан» для «Резидентши». Орудие главного калибра – к бою!

Был уже двенадцатый час дня, когда полковник Гасан Ахмед-паша, военный атташе посольства Турции в Москве и по совместительству резидент военной турецкой разведки, проснулся от тревожного сердцебиения.

Ценнейший дар жизни – оптимизм – полковник начал утрачивать на пятидесятом году жизни после того, как во время прохождения плановой диспансеризации в американском военном госпитале, узнал, что умирает из-за «тлеющего гепатита», который известен специалистам по болезням печени как «тихий убийца».

Врачи пояснили, что вскоре его печень больше не сможет фильтровать токсины из организма, и он начнет впадать в ступор: не сможет прочесть газету, закончить фразу, иметь дело с деньгами. При бездействии печени другие органы начнут разрушаться. Появятся эпизоды спутанности сознания, похожие на симптомы болезни Альцгеймера. Регрессия половой функции даст о себе знать в первую очередь, а это скажется на интимных отношениях с женой, двадцатипятилетней красавицей Ширин.

Выслушав вердикт врачей, Гасан Ахмед-паша не стал *«сердиться на умирающий свет»*. Более того, он стал снова учиться жить, учиться вести жизнь по-новому, осторожно, как держат воду в ладонях кочевники в пустыне. Теперь ему постоянно приходили на память строки классика турецкой литературы Махмуда Абдул Баки, признанного знатока искусства умирать:

«Все безнадежно больные, услышав свой смертный приговор, проходят через несколько кругов: отрицание, гнев и, наконец, принятие».

Подтверждение своему отказу от хирургического вмешательства военный атташе нашел в беседах по телефону из Москвы с Мусой, старшим братом, психиатром стамбульской клиники.

«Гасан, запомни, – неоднократно повторял брат, – больные с пересаженной печенью никогда не выздоравливают. Они только обменивают смертельную болезнь на тот срок жизни, который может обеспечить для них Аллах и достижения медицины. Поэтому стоит ли выбра-

сывать на ветер деньги? Не лучше ли довериться консервативному лечению химическими препаратами и аутотренингу, в крайнем случае, прибегнуть к помощи психоневролога или психиатра, в совершенстве владеющему искусством гипноза? Пойми, после трансплантации ты будешь чувствовать себя в обществе людей как прокаженный с колокольчиком на шее. Дар Аллаха – жизнь – превратится для тебя в пытку. На мой взгляд, надо дожидаться кризиса, то есть того кровотечения, о котором тебе говорили американцы, а там будет видно. Сколько, кстати, запросили с тебя американцы за операцию?»

«Более полумиллиона долларов...»

«Ширин знает о диагнозе?»

«Нет, но врачи предупредили меня о неминуемом снижении половой потенции. Рано или поздно, она догадается, что со мной не *всё* в порядке...» «Думаю, Гасан, перед Ширин ты сможешь оправдать своё бессилие занятостью по работе. Да и вообще, тебе не следует преждевременно извещать ее о результатах медицинского обследования...»

«Я тоже так думаю!»

...Ахмед-паша на словах внял совету старшего брата, потому что находился еще в круге первом – отрицании смертного приговора – и операции предпочел лечение лекарственными препаратами, полученными от американских докторов, которые он втайне от молодой супруги глотал пригоршнями.

* * *

Скарденность Ахмед-паши – в целях экономии он вёл международные телефонные переговоры с братом из своего служебного кабинета – была с восторгом воспринята «слушачами» из КГБ.

Содержание разговоров «ЯНЫЧАРА» – под этой кличкой военный атташе значился в файлах КГБ – незамедлительно было доложено генералу Козлову, чья Служба разрабатывала турка и его жену в вербовочном плане. Оперативная разработка турчанки в файлах КГБ значилась под кодом «РЕЗИДЕНТША».

Как известно, у каждого смертного свой удел. У кого-то больна печень и ему требуются деньги на лечение, а кто-то жаждет обладать чужими секретами, и для этого ему нужны вербовки кадровых сотрудников противоборствующих спецслужб, и чем больше их будет, тем лучше...

В ходе трехмесячного круглосуточного наблюдения за «ЯНЫЧАРОМ» и «РЕЗИДЕНТШЕЙ» применялся весь комплекс оперативных средств: агенты из числа обслуживающего персонала в местах их жительства и работы, «наружка» и аудио– и видеоконтроль. Знакомясь со сводками, генерал Козлов всё больше склонялся к мысли, что в разработку надо ввести особо ценного агента «КОНСТАНТИНОВ», который состоял у него на личной связи.

Форсировать разработку надо было, прежде всего, из-за прогрессирующей болезни «ЯНЫЧАРА» – с каждым днем увеличивалось количество пустых упаковок от медикаментов – об этом сообщала агент «ВИОЛЕТТА», служившая у объектов горничной. Кроме того, в личных вещах «РЕЗИДЕНТШИ» агент обнаружила фаллоимитаторы. Это свидетельствовало о том, что взаимоотношения супругов достигли точки невозврата.

Ко всему, «наружка» зафиксировала сближение «РЕЗИДЕНТШИ» с Эббой Йонсен, женой шведского посланника, известной в дипломатических кругах своими лесбийскими пристрастиями. И хотя инициатива встреч принадлежала шведке, Козлову стало ясно, что её домогательства были бы отвергнуты турчанкой, если бы не сексуальная несостоятельность «ЯНЫЧАРА». Генерал понял, что промедление провалу разработки подобно, и отдал приказ:

«Орудие главного калибра – агента «КОНСТАНТИНОВ» – к бою!»

Тайный кружок «Корсара»

«КОНСТАНТИНОВ» – Аристотель Константинович Иоакимиди – родился в 1947 году в городе Геленджик.

В детстве, пока были живы прадед и дед, Ари освоил разговорный турецкий язык, которым пользовались старейшины семьи Иоакимиди, чтобы обмениваться мнениями о своих невестках и зятях, которые, в отличие от них, владели только греческим и русским. Маленький Ари, постоянно вертевшийся у стариков под ногами, впитывал, как губка, каждое произнесенное ими слово. Разумеется, прежде всего, он научился ругаться матом по-турецки. Но это так, к слову...

Окончив греческую школу, Аристотель в 1964 году поступил учиться на факультет романо-германской филологии в Краснодарский пединститут. Способный к языкам студент, к тому же яркой внешности, он не мог не привлечь внимания сотрудников местного управления КГБ. Получив предложение о негласном сотрудничестве, он навсегда связал свою жизнь с органами госбезопасности.

...21 апреля 1967 года группа армейских офицеров совершила в Греции государственный переворот и установила режим военной диктатуры. Офицеры, больше известные мировой общественности как «черные полковники», действовали по планам, разработанным в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли, и поэтому первый свой удар обрушили на резидентуры КГБ и ГРУ (военная разведка). Наши разведчики, работавшие под прикрытием дипломатической, торговой и других миссий были высланы или бежали из страны.

Десятки греческих граждан, – секретные агенты, – действовавшие в интересах наших спецслужб, были схвачены и зверски замучены в застенках АСФАЛИИ – политической полиции Греции.

В КГБ СССР было принято решение восполнить понесенные в Греции потери активизацией работы по греческим дипломатам, находящимся в Москве. Цель – приобретение в их среде источников информации. Для этого Центру нужны были люди. Второе Главное управление (Центральный контрразведывательный орган КГБ СССР) обязало местные органы найти молодых греков, способных к чекистской работе. Из Краснодара ответили:

«Есть такой человек!»

Из личного дела секретного агента КГБ «КОНСТАНТИНОВ»:

«...Глубокое проникновение в суть дела, трезвая расчетливость, дальновидность, основательность. Адаптация к новой обстановке высокая. Ответственность за свои обещания, обязательства выполняет аккуратно и в срок. Постоянно нацелен на успех. Имеет высокий уровень навыков и умений в изучении людей, установлении и закреплении контактов, добывании информации, интересующей органы госбезопасности. Обладает развитой наблюдательностью, быстро ориентируется в незнакомой среде и трудной ситуации. В достаточной мере владеет психологическим механизмом выведывания. Вполне надежен.

Легко сходится с людьми, независимо от их социального положения, пола и возраста. Держится просто, непринужденно, с достоинством. Имеет разнообразные утилитарные, познавательные, культурные, престижные потребности.

Внешне весьма привлекателен. Пользуется безусловным успехом у женщин, независимо от их возраста. Гипнотическое обаяние, элегантная дерзость и от природы повышенная мужская функция создали агенту имидж беспронимного сердцеда. Среди профессорско-преподавательского состава института получил прозвище “геленджикский Казанова”.

В этой связи видится целесообразным использовать «КОНСТАНТИНОВА» в добывании информации об объектах нашей заинтересованности через их связи женского пола».

В Москве «КОНСТАНТИНОВ» оказался под началом тогда ещё лейтенанта Козлова, занимавшегося разработкой иностранных разведчиков, «сидевших под корягой» – действовавших под дипломатическим прикрытием зарубежных посольств. Ему удалось убедить своё руководство в целесообразности оформить Иоакимиди как особо засекреченного специального агента с выплатой ежемесячно ставки, равной окладу оперуполномоченного центрального аппарата КГБ. Кроме того, агента надо было обустроить в Москве.

С жильём в столице всегда было трудно, большинство кадровых сотрудников ютились в коммуналках, отдельные квартиры предоставлялись только начальствующему составу.

«КОНСТАНТИНОВУ» с учетом той деятельности, которой ему предстояло заниматься, требовалась отдельная квартира. Пришлось пожертвовать одной из конспиративных квартир в Староконюшенном переулке. Ответственным квартиросъемщиком стал некий Александриди. На эту фамилию агенту был выдан паспорт, а позднее и бессрочное свидетельство об освобождении по состоянию здоровья от воинской службы – «белый билет», – чтобы не докучали военкоматы...

В связи с осложнением оперативной обстановки в Греции первостепенное значение приобретало создание каналов проникновения в среду греческих дипломатов, аккредитованных в Москве.

Чем увлекались иностранные дипломаты вообще, и греческие в частности, в столице конца 1960-х годов? Бизнесом на антиквариате, иконах, ювелирных украшениях, являвшихся семейными реликвиями русской придворной знати. Секретари всех рангов всех посольств, не говоря уж о простых клерках, не считали для себя зазорным проведение операций с советской фотоаппаратурой и часами. Во внерабочее время иностранцы устремлялись в театры и на поиск красивых и уступчивых женщин. В этих сферах и планировалось использовать «КОНСТАНТИНОВА», там предстояло ему искать встреч, завязывать знакомства.

«Послушай-ка, Ари, а не сделать ли тебя морским офицером», – предложил как-то Козлов.

Морская форма преобразила «КОНСТАНТИНОВА». Яркой внешности от природы Аристотель в мундире капитан-лейтенанта стал неотразим.

Теперь «КОНСТАНТИНОВ», участвуя в оперативных мероприятиях по разработке объектов заинтересованности Комитета, выступал в роли офицера Главного штаба Военно-морского флота СССР.

Действительно, трудно придумать лучшую визитную карточку для агента, чем военная форма. С ее помощью можно не только без труда познакомиться с объектом, но и в течение нескольких минут завоевать его доверие, создав предпосылки для последующего развития контакта с целью получения необходимой информации.

Военно-морская форма на плечах агента имела еще одно преимущество. Если он привлекался к разработке установленных разведчиков – сотрудников военных атташатов недружественных стран, – то через него, как офицера, имеющего доступ к сведениям, составляющим военную тайну, можно было «гнать дезу» – поставлять ложную информацию о нашей оборонноспособности и военных приготовлениях.

...Не прошло и месяца, как «КОНСТАНТИНОВ» превратился в завсегдатая театров, антикварных и художественных салонов, комиссионных магазинов. Чаще всего его можно было встретить в ювелирном магазине в Столешниковом переулке. Там на ниве бизнеса он сошелся с секретарем греческого посольства. Обоюдный интерес к драгоценностям закончился согласием дипломата помочь не просто «земляку» – морскому офицеру! – информацией и шифрами. Удача – орден Красной Звезды и капитанские погоны украсили китель Козлова. «КОНСТАНТИНОВ» получил денежную премию в размере месячного оклада.

Проплаченные Комитетом репетиторы из Большого театра натаскивали «КОНСТАНТИНОВА» по части светских манер, ставили ему литературное произношение, давали уроки хороших манер и обхождения с дамами из советского высшего света.

Скоро Аристотель свободно ориентировался в мире московской богемы, ее тайн и интриг, капризов и интересов.

Разве можно устоять под взглядом этих зеленых оливковых глаз, разве можно отказать обезоруживающей улыбке этого морского дьявола? А его широта и щедрость? Они не знали границ. Что ж, досрочно списанный на берег бывший командир атомной подводной лодки, а ныне начальник отдела в Главном штабе Военно-морского флота СССР, получал хо-о-рошие деньги. К тому же он не женат и детей не имеет.

Вскоре подружки Аристотеля дали ему прозвище «КОРСАР». Не было случая, чтобы устраиваемый им «абордаж» новых кадров потерпел неудачу.

Через некоторое время, перепробовав поочередно каждую из вновь рекрутированных опереточных танцовщиц или певичек, Аристотель приглашал их на ужин в дорогой ресторан. Обычно это были «Берлин» или «Метрополь». Как-то случайно за столом оказывались иностранные дипломаты. Неотразимый и сияющий «КОНСТАНТИНОВ» блестяще произносил тосты, шампанское лилось рекой, языки развязывались, информация хлестала через край...

Москва конца 1960-х годов – театральная, музыкальная, пьющая, фарцующая, гулящая. Вот в этой Москве – светской и одновременно распутной – «КОНСТАНТИНОВ» был своим человеком.

Галантный, остроумный капитан-лейтенант производил впечатление надежного мужчины, готового быть деловым партнером и другом, способного повернуть дельце и вывернуться из любой непредвиденной ситуации, и в то же время устроить для очередной любовницы из Большого незабываемую ночь-праздник, сексуальный фестиваль, после которого она уже отвергала домогательства других поклонников. Всё это был Аристотель Иоакимиди, в иночестве – «КОНСТАНТИНОВ».

Его видели с артистками в «Пекине» и «Национале», он собирал компании на подмосковных дачах, талантливо раскручивал флирты и интриги, за оргиями не забывая своего основного предназначения – добывания интересующей КГБ информации.

Козлов прекрасно знал, на чем замешана трагедия Кирова, – на балеринах Ленинградского оперного театра. Любовницы-танцовщицы приревновали лидера ленинградских коммунистов к его последней пассии – официантке Мильде Драуле – и сделали всё возможное, чтобы ее ревнивый до безумия муж узнал о приключениях ненаглядной женушки с трибуном партии большевиков. Было известно генералу и роковое увлечение маршала Тухачевского прима-балериной из Большого. Поэтому-то его усилия были направлены на то, чтобы в фокусе внимания «КОНСТАНТИНОВА» постоянно находились лица, вращающиеся в околоторческой среде...

Иностранные дипломаты всех рангов по-прежнему «западали» на модных актрис, певиц и изящных балерин. Информацию об интересующих Козлова объектах «КОНСТАНТИНОВ» добывал через своих многочисленных наложниц, которых он сначала укладывал к ним в постель, а затем в свою, где ему ничего не подозревавшие подружки, как на исповеди, выкладывали всё...

...Шли годы. Теперь в свете «КОНСТАНТИНОВ» появлялся в форме капитана первого ранга – дослужился!

Козлов стал генералом, но в отличие от агента в военной форме на людях не появлялся никогда. Он высоко ценил преданность своего агента, а по-человечески даже любил его. Во время конспиративных встреч общался с ним на равных. По мелочам сил его не растрачивал, прибегая для выполнения особо ответственных и деликатных поручений.

С началом оперативной разработки «ЯНЫЧАРА» Козлов принял решение сначала подвести «КОНСТАНТИНОВА» к «РЕЗИДЕНТШЕ», а уже через неё выйти на военного атташе...

Утро секретного агента

«КОНСТАНТИНОВ» брился, стоя перед зеркальным шкафом. Что может быть лучше ощущения горячего прилива жизни! Черт возьми, какая легкость во всем теле. Кровь так всего и омывает, пена для бритья так и кипит на щеках – вены готовы взорваться от адреналина. Так славно вчера всё получилось! «КОНСТАНТИНОВ» повел плечом, и ноги сами притопнули по ковру. Это же счастье – жизнь, полная приключений! А кто их создает? Правильно – иностранные разведки и КГБ!

И, вдруг испугавшись, – не прыщик ли? – Аристотель придвинулся к зеркалу. Прыщика не было.

«Нет, он есть. Прыщик – это я! – вслух сказал себе «КОНСТАНТИНОВ», – а иностранные разведчики и генерал Козлов – это мои целители...»

От этой мысли стал чуть-чуть грустно.

«Ничего, – успокоил себя агент, – у каждого свой кон и своё предназначение – кому кашу заваривать, а кому и пробу с нее снимать. Вы, товарищ генерал, придумывайте, анализируйте, противоборствуйте, а пенки наслаждений снимать буду Я! И как можно чаще вводите меня в разработку таких девочек, как вчерашняя турчанка. Такую красавицу надо еще поискать! А найди ее кто-то, на вас не работающий, так вы же сами его к ней и не подпустите, потому как она – объект вашей оперативной заинтересованности! И чтоб я делал без вас, дорогой мой генерал?! Воистину: *“плыть по течению особенно легко при попутном ветре”*. Вы – тот самый ветер, который надувает мои паруса...»

Повеселев от оценки собственной роли в контрразведывательных мероприятиях и воспоминаний о вчерашнем событии, Аристотель бросил бритву на стеклянную доску, выбежал из ванной комнаты и схватил лежащую на письменном столе визитную карточку.

«Надо же придумать такую должность – помощник советника по этническим вопросам! Наверняка на дипломатическую службу она попала по блату. Интересно, кто её спонсор? Да, облагодетельствовать такую кошечку – одно удовольствие. А коль скоро филантропия сегодня не в моде, то какой же страстной была ее благодарность? Стоп! Генерал что-то там говорил о её муже, “шишкаре” в посольской резидентуре, дескать, он – основная цель разработки. Ничего, доберемся и до него! Будем продвигаться к мужу не торопясь, короткими перебежками, а лучше – ползком. Сначала раскрутим роман с турчанкой, а вам, товарищ генерал, придётся подождать! Дольше едешь – больше командировочных. Это – аксиома!

Вообще, черт возьми, как удивительно устроен этот мир! Ах, Ширин, Ширин! Стоило нам встретиться с тобой глаза в глаза, как мы сразу поняли, что наш роман состоится! Не будь я связан заданием, не будь «наружки» вокруг, а то, что она была, сомнений быть не может, зря, что ли, я четверть века отпахал на КГБ, мы бы с тобой, моя красавица, уже через десять минут мчались ко мне домой!

Да, определенно что-то есть в тебе такое, дорогая моя, чего не заметил до меня в тебе ни один мужик! Ты не просто красива, ты обворожительная фея! Твои глаза – два манящих капкана, из которых не выбраться! А какая глубина! Это же пучина, пропасть. Смотришь в них, и дух захватывает, голова кружится, будто в бездну сорвался!»

...Аристотель повернул никелированные краны, горячая вода зашумела в белую ванну, поднимая облачка пара. Закрыв воду, сбросил пижаму и, вздрагивая от звериного наслаждения, с шумом окунулся по самый подбородок. Продлевая наслаждение, поворачивался с боку на бок, оживляя в памяти подробности вчерашнего знакомства с прекрасной турчанкой.

* * *

Стоило молодой красавице наклониться, чтобы запереть дверцу темно-синего «Мерседеса», как тут же порыв ветра, выпорхнув из-за угла Тверской на Страстной бульвар, насмешливо забросил юбку ей на плечи, обнажил её соблазнительные чресла. Проходившие рядом мужчины на мгновение застыли в изумлении, наслаждаясь импровизированным стриптизом.

Небрежным жестом женщина одернула платье и царственной поступью направилась к подъезду. На грохочущем лифте поднялась на пятый этаж и потянула на себя ручку обшарпанной двери.

«По вам, дорогая Ширин, можно сверять кремлевские куранты!» – раздалось в глубине квартиры, и навстречу жене турецкого военного атташе выплыла известная в кругах московской артистической богемы портниха-белошвейка, великая искусница Эсфирь Моисеевна.

Женщины манерно обнялись. Хозяйка тараторила, не умолкая, изливала на иностранку ушаты восторженных похвал. Не были забыты ни умопомрачительной красоты фигура гостьи, ни её глаза, волосы, кожа и прочая, прочая, прочая...

Под конец Эсфирь Моисеевна, сделав провокационный комплимент Ширин и отметив её изысканный вкус, предложила выпить по чашечке кофе. Хотя Ширин была в восторге от работы белошвейки, но эта уловка, превратившаяся в подобие ритуала, изрядно надоела турчанке. Она дипломатично парировала грубую лесть, ограничившись нейтральным замечанием:

«Извините, Эсфирь Моисеевна, я сегодня очень занята, поэтому кофе мы выпьем в следующий раз. Не возражаете?»

«Ну что вы, что вы... Я вообще удивляюсь, как вам удаётся выкроить время, чтобы посетить меня. Я готова примчаться к вам по первому же сигналу, вы только позвоните!»

...Лишь только дверь за очаровательной клиенткой закрылась, как лицо угодливой хозяйки приобрело бульдожьи черты. Вынув из передника переговорное устройство, закамуфлированное под портняжный мелок, она прорычала:

«Первый», «Первый»! Я – «Второй». Манекен вышел! Как поняли? Приём!»

«Первый» прохрипел в ответ, что сигнал принят, и тут же приказал «КОНСТАНТИНОВУ»:

«На приступ!»

* * *

Турчанка вышла из подъезда, и ее взгляд уперся в спущенное колесо. Вынула из сумочки мобильный телефон. Секунду постояла в раздумье, но вдруг решительно открыла багажник и вытащила насос. Вспомнила, что для предстоящих манипуляций необходим еще и домкрат, но куда он запропастился, да и вообще, черт подери, как с ним обращаться?!

Ширин растерянно рассматривала свои перепачканные маслом белые перчатки, как вдруг к тротуару лихо свернула черная «Волга» и из нее выпрыгнул писанный красавец в форме морского офицера.

...Все жены профессиональных разведчиков, сопровождающие мужей во время длительных заграничных командировок, как наши, так и «ихние», в обязательном порядке проходят ускоренные Курсы повышения квалификации оперсостава (хотя, о каком *повышении* и о каком *оперсоставе* может идти речь применительно к домохозяйкам?!). Поэтому Ширин не только определила звание офицера, выпрыгнувшего из «Волги», как черт из катапульты, но и, заметив, как ладно на нем сидел мундир, сделала вывод, что он – штабной служака. Однако количество орденских планок говорило о том, что на берег каперанг списан недавно, – таская дым в штанах по штабным коридорам, и за двадцать лет не заработать шестнадцать наград!

«Ему, похоже, еще нет и пятидесяти... О, Аллах, да у него орден Красного Знамени и орден Красной Звезды! Значит, он воевал? А что? Говорит же Ахмед-паша, что русские ни на один день не прекращали тайных войн с момента прихода к власти большевиков – вот передо мной живое тому подтверждение. Ничего себе сюрприз! Вот за такими русскими флибустьерами Ахмед-паша и приехал сюда поохотиться. Но этот чертовски хорош собой! Прямо-таки языческий бог, правда, изрядно поседевший. А глаза! Цвета морской волны, они просто завораживают...»

Да, ордена просто так не даются... Вот бы Ахмед-пашу сюда! И почему ему не везет с русскими морскими офицерами? Поймай он в свои капканы парочку таких вот орденосцев – давно стал бы генералом. Стоп! У этого корсара восточный профиль. Кто он? Армянин? Азербайджанец? Ахмед-паша говорит, что в бывшем Советском Союзе кровосмешение достигало таких масштабов, что чистокровными остались лишь ахалтекинские скакуны и восточноевропейские овчарки...»

– Мадам, у вас проблемы? – «КОНСТАНТИНОВ» взглядом указал на насос в руках Ширин. – Если вас это не огорчит, мой водитель в вашем распоряжении. Старшина! – оборот головы к «Волге», – ко мне бегом, марш! Надо же, оказывается, сказки бывают не только в книгах, но и на московских улицах – встретить красавицу из восточных сказок – это даже не сказка – это фантастика! – Вперив пронзительный взгляд в зрачки турчанки, с искренним восторгом произнес агент.

– Спасибо за комплимент...

– Вы – женщина, не нуждающаяся в комплиментах!

Турчанка, не ожидавшая такого натиска, вмиг зарделась, опустила насос себе под ноги и тихо сказала:

– Спасибо и за этот комплимент... Не стоит беспокоиться. Я позвоню в посольство. Они приедут и все сделают...

– Посольство? Так вы не россиянка? А откуда вы?

– Я из Турции...

Услышав это, агент взял Ширин под локоть и увлек ее подальше от кромки тротуара.

– Бог мой, вот так сюрприз, – лицо «КОНСТАНТИНОВА» озарила улыбка, от которой тают льды на Северном полюсе. – Через месяц мне предстоит командировка в Стамбул. Вы в Москве по коммерческим делам?

– Нет, я сотрудник посольства...

– Ну да, конечно... Как это я сразу не обратил внимания на номер вашей машины! Хотя сейчас многие иностранные бизнесмены разъезжают по Москве на машинах дипломатических корпусов своих стран.

«КОНСТАНТИНОВ» испытующе смотрел в глаза собеседницы.

– Нет-нет, я не коммерсантка...

Ширин, еще больше смутившись под этим гипнотическим взглядом, безотчетно сняла испачканные перчатки и бросила их в урну. Вдруг она решительным жестом распахнула сумочку и вынула визитную карточку.

– Вот, пожалуйста, возьмите!

«КОНСТАНТИНОВ» внимательно прочитал текст.

– Откровенно говоря, я бы проехал мимо, если бы знал, что вы сотрудница посольства. Я приказал водителю остановиться, увидев красивую женщину с насосом в руках. В таких руках привычнее видеть цветы, бокал вина, но никак не... Что ж, видно, не судьба!

«КОНСТАНТИНОВ» умолк, театрально потупив взгляд.

– Что вас смущает? Насос в моих руках или моя национальность? Турция – не самая плохая страна, не так ли? – с вызовом спросила Ширин.

– Меня? Ничто! Но мое начальство... – агент коснулся рукой погона. – Турция – в составе НАТО, нынешнее продвижение Северо-Восточного альянса к границам России и так далее... Я лишь могу сказать, как плохо, что большая политика мешает маленьким людям общаться, влюбляться, устраивать личную жизнь!

– Вы такой влюбчивый?

– Я бы не сказал... Я – вдовец.

– Простите, я не хотела вас обидеть...

– Ну что вы, не стоит извиняться, уже семь лет, как я потерял жену...

– У вас есть дети?

– Нет... А что это мы все обо мне, да обо мне? Давайте о вас поговорим! – агент многозначительно посмотрел на часы. – До совещания в Генеральном штабе у меня есть еще двадцать две минуты. Вы здесь по делу или просто проезжали мимо?

– По делу. Здесь живет моя портниха...

– Так, может, это она иголкой проколола колесо? Вы, наверно, ей плохо платите? Если что, можете рассчитывать на мою помощь!

«КОНСТАНТИНОВ» комично округлил глаза и подмигнул турчанке.

Рассмеялись. Ширин смеялась особенно громко – сказывалось нервное напряжение. Взгляд каперанга будоражил глубины души и, вместе с тем, притягивал, манил какой-то неземной силой.

– Благодарю вас, мой муж – военный атташе и неплохо зарабатывает. Кстати, в пятницу в нашем посольстве состоится приём, я приглашаю вас...

– По какому случаю приём?

– Колесо готово, Аристотель Константинович! – раздалось за спиной.

Агент, продолжая смотреть турчанке прямо в глаза, сжал её руку.

– Как тебя зовут?

– Ширин... На визитке есть моё имя...

– Я хотел услышать, как произносишь его ты, чтобы называть тебя так, как тебе нравится. Это ведь древнее турецкое имя, я не ошибаюсь? – «КОНСТАНТИНОВ» перешел на шепот.

– Да! Такое же древнее, как твоё... Ты – грек? – спросила турчанка, не заметив, что они вдруг перешли на «ты».

– Греция – не самая плохая страна, не так ли? Что же вас смущает? Погоны на моих плечах или моя национальность?

«КОНСТАНТИНОВ» в точности воспроизвел слова и интонацию иностранки. Снова рассмеялись.

– Вы – остроумный человек, с вами надо держать уши острыми...

– Держать ухо остро...

– Извините... Я еще плохо знаю русский язык...

– Поверь мне, ты знаешь его в достаточной мере, чтобы понять слова любви... Вопрос в том, будет ли у меня возможность тебе их произнести? – комок застрял в горле агента, а глаза вмиг увлажнились. Срывающимся голосом агент спросил:

– Когда в следующий раз ты должна быть здесь? Скажи, и я приеду! Я брошу к черту все дела и примчусь немедленно!

Дыхание турчанки участилось, взгляд лихорадочно метался по лицу собеседника, она вдруг увидела стоявшие в его глазах слёзы. С трудом переведя дыхание, женщина прошептала:

– Аристотель, не надо...

«КОНСТАНТИНОВ» уже двумя руками сжимал локти Ширин.

– Надо! Хотя бы одно свидание. Оно ведь ни к чему тебя не обязывает, поверь... Я позвоню, дай мне свой домашний телефон!

– Нет-нет! Завтра. Здесь. В это же время...

Турчанке показалось, что грек не расслышал её слов, так как в это время он, склонив голову, покрывал поцелуями ее руки.

– Аристотель... Завтра... В это же время! – полузакрыв глаза, повторила Ширин. «КОНСТАНТИНОВ» резко поднял голову, крепко поцеловал женщину в губы и, развернувшись по-военному на каблуках, нырнул в «Волгу»...

* * *

«Значит, сегодня у нас с тобой, дорогая Ширин, примерка. Похоже, она должна была состояться не сегодня, а позже, но для того, чтобы встретиться со мной, ты ответила так решительно: «Завтра!» Девочка, ты и не подозреваешь, что за примерка предстоит нам обоим! Постараемся тебя не разочаровать! По-русски ты говоришь превосходно. Интересно, это тоже входит в обязанности помощника советника по этническим вопросам?»

Чёрт! Забыл сказать Козлову, что нужен букет роз. Прийти на первую встречу без цветов? Да никогда! Это всё равно, что заявиться к женщине на первое свидание в несвежих носках, или нажавшись чесноком. Первое – тут же станет последним! Значит, придется заехать на Центральный рынок. Розы! И только белые! Как символ чистоты и невинности моих помыслов, наших будущих встреч и наслаждений... Приготовьтесь, товарищ генерал, выделить деньги ещё и на розы. Ведь вы же сами не устаёте повторять:

«Средства, потраченные на ухаживания за объектом, – гроши по сравнению с тем капиталом – информацией, – которой он располагает!»

Приказано совратить

В назначенный час «КОНСТАНТИНОВ» на черной «Волге» со служебными номерами Министерства обороны подкатил к знакомому подъезду на Страстном бульваре.

– Ширин, добрый день! Первый раз в жизни встречаю такую пунктуальную женщину! – сказал Аристотель, усевшись в «Мерседесе» турчанки. – Признаться, я думал, что мне придется или долго ждать, или уехать ни с чем...

– Почему? – вместо приветствия спросила турчанка.

– Видишь ли, хотя я уж и не вспомню, когда последний раз назначал свидание женщине, но мне известно, что все женщины лишены чувства времени, поэтому всегда и всюду опаздывают. А во-вторых...

Агент умолк, выжидающе глядя на собеседницу.

– А во-вторых? – лукаво улыбнулась Ширин.

– А во-вторых, первым на свидание прибывает тот, кто от него ожидает большего, чем...

– Ты – опасный человек, Аристотель! – ударив ладонью по рулю, с грустью в голосе заметила Ширин.

– Самый безобидный и незащищенный человек на свете – это мужчина, сбежавший со службы, чтобы встретиться с возлюбленной! Почему же я опасен? – кротко произнес «КОНСТАНТИНОВ», а про себя подумал:

«Привыкай, девочка! Я – тиран, деспот, и буду всё время, играя на грани фола, подавлять твою психику... Но, в конце концов, поверь, тебе это понравится!»

– Потому что ты – психолог... Действительно, первым приходит тот, кто от свидания ожидает большего, чем другой...

«КОНСТАНТИНОВ» прижался щекой к женскому плечу и примирительно сказал:

– Ширин, дорогая! О чем это мы с тобой заговорили? Кто из нас ждет от свидания больше, а кто меньше? Ну что нам с тобой делить? Уже одно то, что мы с тобой в служебное время вырвались на свидание – это разве не доказательство, что от него мы ждем одинаково

много?! Жаль, что я только в душе поэт, а то бы я сложил поэму, как сутки напролёт, не смыкая глаз, поминутно смотрел на часы, ожидая наступления этой сказки – возможности вновь увидеть тебя! Пойдем, я тебе что-то покажу...

Агент нежно взял турчанку за руку и открыл дверцу. Ширин, безотчетно повинувшись, выбралась из машины не через свою дверь, а вслед за Аристотелем.

Увидев целый стог белых роз, заполнивших заднюю половину салона «Волги», турчанка, головой окунувшись в него, еле слышно выдохнула:

– Ты – поэт, Аристотель... Не на словах – в жизни!

* * *

Так и ехали: «КОНСТАНТИНОВ» – за рулем, Ширин – в дурманящем цветочном стогу сзади.

Когда выбрались на Можайское шоссе, Ширин вдруг спросила:

– Аристотель, а куда ты меня везешь?

«Отлично сказано, девочка! Мысленно я тебе, нет, не тебе – себе аплодирую! – оценил вопрос турчанки агент. – Ты правильно поставила вопрос: не куда *Мы* едем, а куда *Я* тебя везу! Значит, подсознательно ты уже готова к тому, что ведущий – я, а ты – ведомая».

Бесстрастным тоном, как если бы вопрос о маршруте был уже согласован, «КОНСТАНТИНОВ», не отрывая глаз от дороги, коротко заметил:

– На дачу моего приятеля...

В ответ Ширин согласно кивнула головой. Затем, спохватившись, обеспокоено спросила:

– А кто, кроме нас, там будет? Приятель?

«Это очень хорошо, что у тебя, девочка, всех-то и проблем – будет ли на даче приятель, а не когда мы вернемся, и чем мы будем там заниматься! Или последнее – это уже для тебя вопрос решенный? Ну-ну, посмотрим, как ты поведёшь себя дальше!» – «КОНСТАНТИНОВ» весело рассмеялся.

– Нет, приятеля там не будет! Он – не поэт... Он – мой сослуживец, и в рабочее время подсчитывает и оценивает секреты, украденные нашей разведкой у военно-морских сил стран НАТО. На даче будет только сторож. Он приготовит шашлыки, пока мы будем кататься на катере. Ты ведь никогда не каталась на катере по Москве-реке, не так ли?

Надо было срочно перевести стрелки мыслительных процессов иностранки на любой свободный путь, переключив её внимание, пока она не передумала, ехать или нет.

«Всё, как будто идет по плану, но черт его знает, как ты поведешь себя в следующую секунду! Мало ли что может заставить тебя, девочка, круто изменить намеченный генералом Козловым и мною маршрут?!»

– Нет, не катаюсь... А долго нам ехать?

Оценив вопрос, агент с облегчением вздохнул – возвращаться с полпути не придется.

– Уже почти приехали...

Как только с Можайского выехали на Успенское шоссе, «КОНСТАНТИНОВ», чтобы окончательно отвлечь турчанку от возможных размышлений о её безрассудном поступке, начал нести всякую чепуху о мелькавших за окном строениях, их мнимых хозяевах, не забывая забрасывать попутчицу вопросами.

– А вот здесь Молотов принимал свою любовницу, балерину из Большого... Помнишь такого заместителя Сталина?

– Конечно... Я училась в Сорбонне и прослушала специальный курс о вашей советской истории. Там я начала учить русский язык...

Агент, будто никогда не слышал от генерала Козлова, что турчанка получила европейское образование, разыграл искреннее изумление.

– Как?! Ты училась во Франции? Вот оно, оказывается, в чём дело! А я-то, влюбленный глупец, думаю, почему моя дорогая Ширин по Москве разъезжает не в парандже?! Н-да, как поёт Володя Высоцкий: *«Она жила в Париже, куда мне до нее!»* Ты слышала, Ширин, песни Высоцкого?

– Конечно...

– А вот здесь, смотри-смотри, Микоян жарил шашлыки из осетрины и чуть не погиб, подавившись костью! А, правда, что шашлык из осетрины – это ваше национальное блюдо?

– Ну, не совсем наше... Скорее, это иранское национальное блюдо...

– А вот здесь, знаешь, что происходило в сталинские времена?..

Импровизировал агент искренне и самозабвенно, а в памяти всплывали эпизоды из жизни Ширин, рассказанные генералом Козловым в ходе последней явки...

* * *

Аромат жареного мяса заполнил салон «Волги», как только сторож учтиво распахнул ворота, и машина въехала на ухоженную лужайку перед роскошной дачей.

– Какая красота! – воскликнула Ширин. – Твой приятель, наверно, военно-морской министр? Это не дача – это вилла, достойная какого-нибудь миллиардера, на Багамах, в Майями, а не в Подмосковье!

– Нет, это – всего лишь дача зятя командующего ВМФ России, – криво улыбнулся «КОНСТАНТИНОВ». – Дай нам Бог когда-нибудь побывать на дачах, где живут слуги народа – Горбачев, Ельцин, Лужков... Вот у них – виллы, а не дачи!

– Аристотель, я еще плохо знаю русский язык, а что такое «слуги народа»?

– Деточка, это все те, кто дни и ночи напролёт только и делают, что пекутся о благе народа, другими словами, – это наш президент, наше правительство и высшая чиновничья рать, которых, как мне думается, 80 % жителей России попросту задушили бы в своих объятиях. Вот такая у нас любовь к нашим слугам народа... Ясно?

– Да, конечно... А скажи, Аристотель, твой друг – это тот, который ворует секреты НАТО? – Ширин лукаво взглянула на «КОНСТАНТИНОВА».

– Нет, ворую секреты я, а он пишет об этом отчеты. Я – разведчик, а не бюрократ. Мое дело – добыть информацию, а бумаги пусть пишут другие... Позволь, я сниму китель – очень уж жарко!

– Так ты – шпион, Аристотель?

– Ширин, давай договоримся, что во внеслужебной обстановке я просто Ари. Тем более, для тебя!

Агент, следуя линии поведения, отработанной ему генералом Козловым, уклонился от прямого ответа. Сделал, как тот и советовал: «да» и «нет» не говорить, «чёрное» и «белое» не называть!

Вспомнились слова, произнесенные генералом во время последнего инструктажа:

«Вообще, Аристотель Константинович, жизнь, которую мы ведем, заставляет нас многое скрывать. Поэтому надо стараться говорить как можно больше правды, или, еще лучше, не говорить *ничего*. Присмотришься, и ты заметишь, что твои собеседники не очень-то интересуются твоим мнением или тем, что ты им хочешь рассказать, а предпочитают рассуждать сами. Им нравится, когда их внимательно слушают, а ты лишь ограничиваешься поощрительными замечаниями или уточняющими вопросами. Они уйдут с убеждением, что ты – прекрасный собеседник, разделяющий их взгляды, хотя на самом деле ты вообще не высказывался, а лишь внимательно слушал. Это приносит успех.

Совсем по-другому надо вести себя с человеком, о котором тебе известно, что он намерен «прокачать» тебя. Полагаю, что в лице Ширин ты столкнешься именно с таким челове-

ком... Мне кажется, что оптимальным вариантом было бы заинтриговать ее, напустить туману вокруг того, чем ты занимаешься в Главном штабе ВМФ России. Выжидая, фиксируй интерес иностранки к специфике твоей профессии. При этом постарайся не выражать своей обеспокоенности по поводу ее целенаправленного любопытства, и попыток что-либо разузнать не пресекай. Чаще ссылайся на своих коллег, которые якобы лучше осведомлены в тех вопросах, на которые иностранка потребует ответов. Время от времени прояви простодушие, предложи познакомиться ее с этими осведомленными коллегами-друзьями, но при этом чуть-чуть приревнуй... Или отшутись, но каждый раз оставляй ей шанс. Пусть она винит *себя* в том, что не смогла в правильной редакции поставить вопрос. Словом, тебе надо сыграть в игру «да» и «нет» не говорить, «чёрное» и «белое» не называть. Мне кажется, было бы правильно перенести на более поздний период обсуждение любых тем, относящихся к твоей служебной деятельности. О них можно поговорить, ну, скажем, во время приёма в посольстве, на который ты приглашен.

Думаю, не следует задавать собеседнице встречных вопросов, касающихся ее работы в посольстве. Ты – влюблен, она тебя интересуется как женщина, а не как должностное лицо».

– Ари, ты не ответил на мой вопрос! – настаивала турчанка.

– Почему же, ведь я сказал, что ворую секреты, значит, я – шпион...

– А твой приятель? Он тоже шпион?

– Скорее, нет. Он – аналитик, пишущий отчеты о том, как твой Ари ловко крадет секреты.

Мой приятель преуспел в этом деле и даже возвысился. У него бойкое перо, а у меня – всего лишь оперативный дар. Но работать с ним в тандеме – одно удовольствие!

– Разве ты, Ари, не понимаешь, что он эксплуатирует тебя. Ты таскаешь ему каштаны из огня, а он только и делает, что составляет отчеты. Пишет о том, что сделано тобою, а не вами! Разве это справедливо?

– Но награды, всё-таки, получаю я...

– Да, я заметила, у тебя даже есть боевые ордена... Интересно, за какие бои?

– За те сражения, что я вел на даче моего приятеля с очаровательными иностранками, воруя у них посольские секреты! Дорогая, тебе не кажется, что мы заболтались? Пора тебе узнать, каким искусством жарить шашлыки владеет наш сторож.

«КОНСТАНТИНОВ» взял турчанку за талию и увлек к мангалу, где жарилось мясо.

Про себя же подумал:

«Черт подери, не слишком ли прямолинейно, девочка, ты начала “прокачивать” офицера Генерального штаба, коим я для тебя являюсь?!»

На лужайке, рядом с мангалом, был врыт в землю длинный дубовый стол, на котором громоздились закуски и целая батарея бутылок со спиртным.

– Ари, – вдруг закричала Ширин так громко, что агент от неожиданности вздрогнул, – мы забыли цветы!! Здесь не хватает роз!!

«КОНСТАНТИНОВ» махнул рукой, и сторож, сгибаясь под тяжестью ноши, приволок охапку белых роз к столу.

– Клади прямо на стол! – приказал агент сторожу, хотя догадывался, что этот рослый детина, судя по возрасту, как минимум в звании майора.

Начали с шампанского. Ширин бросила в бокал с вином лепестки роз.

– Уезжая из Парижа, я бросила горсть монет в Сену с одного ритуального моста, чтобы вновь туда вернуться. Лепестки – это тоже монеты. Может быть, когда-нибудь мне доведется вернуться в море роз...

«Жаль, если не со мной», – с грустью подумал «КОНСТАНТИНОВ».

...Прогулочный катер уже с другим рослым майором у штурвала летел по Москва-реке, играя фейерверком брызг на хвосте. Мимо проносились идиллические берега с сосновыми

лесами, уютными полянами, густо заросшими цветущими ромашками. Красота – ни одной живой души вокруг!

«КОНСТАНТИНОВ» и Ширин, обнявшись, стояли на палубе. Он исступленно целовал ее лицо, губы, шею, открытую впадину груди. Волосы турчанки вились по ветру, окутывали его лицо. В какой-то момент, не выдержав испытания искушением обладать этим огнедышащим телом, агент приподнял Ширин от пола, и, держа на весу, сбежал по ступеням в каюту.

Никогда не знаешь, что в голове у женщины, хотя порой бывает и видно, чего она хочет, и чего нет, чего боится, и до каких пор подпустит к себе. Но никогда нельзя заставлять женщину делать что-либо вопреки ее желанию.

Аристотель рискнул и положил свою руку турчанке на грудь. Удивительное дело! Ширин не отстранила руку, наоборот – всем телом легла на ладонь. Волшебное ощущение! Но сомнения у агента оставались. Женщина, тем более такой редкой красоты, должна же посопротивляться, хоть для порядка. Ведь они едва-едва знакомы...

– Давай разденемся, – продолжил атаку «КОНСТАНТИНОВ».

Она молча сдернула блузку на ковер, до подмышек подняла подол широкой юбки, с остервенением рванула ажурные трусики, явив на свет божий две молочного-белые ляжки, скрепленные наверху черным треугольником, и с едва заметной улыбкой застыла посреди комнаты.

– О, Господи, какая же ты красивая! Как пахнет от тебя чистотой весеннего дождя, горьким мёдом и... розами!

Аристотель шагнул к Ширин, прижал к себе и ощутил под пальцами упругую бархатную грудь, которая казалась ему огромным персиком.

– Чему ты смеешься? – прошептала она.

– Я счастлив, – еле шевельнулись его губы.

Подняв женщину на руки, он тут же опрокинул её на ковер. Крепко держась за его шею, она прошептала:

– Не здесь, не здесь... Не сейчас!..

Аристотель, вмиг захмелевший от предвкушения близости, упрямо мотал головой – только здесь, только здесь, немедленно!

Как в бреду говорили они – быстро, яростно, смятенно, – и весь их горячий разговор был просто криком, – его орошемым и торжествующим «ДА!» и её отчаянным и бессильным «НЕТ!»

С истерической слезой в горле она бормотала, уговаривала подождать, только не сейчас, потом, лучше потом, но сейчас не надо, это ужасно – ведь знакомы они всего лишь второй день, это ужасно, ей стыдно, у неё ни с кем такого не было, она ему верит, но они же не скоты, не животные...

«КОНСТАНТИНОВ» в каком-то сомнамбулическом приступе продолжал раскладывать ее между обжигающе холодными ведерцами с шампанским, трясущимися руками скользил по упругому шёлку её бедер, пока его ладонь не вобрала в себя горячий бутон ее лона. Наконец похоть и приключенческий задор победили последние крупинки разума в ней, и она уступила. До хруста прижав женщину к себе, Аристотель присел немного, а её вздернул на себя.

Она коротко вскрикнула и обмякла, отдавшись во власть его безумного порыва. Белые лучи вздыбившихся ног турчанки, чёрный мохнатый тюльпан её естества сводили Аристотеля с ума, рвали на куски его воспаленное воображение...

Её губы были закушены, а в уголках глаз метались бесовские искорки. И когда он вошел в неё, она зажмурилась, сладко и глухо замычала.

«Врёт, ведь всё врёт! Не надо сейчас, мне стыдно, у меня ни с кем такого ещё не было... А в Париже? Тоже ни с кем и ничего не было?!» – мелькнула у Аристотеля мысль и тут же погасла кометой, потому что он почувствовал, как мука наслаждения перетекает из её чресел в него, и водоворот нечеловеческой страсти отключил сознание.

Фантастический загул начался. Время остановилось за порогом каюты, там, на палубе, а может быть, на Страстном бульваре?

Сексуальным атакам, казалось, не будет конца. Наконец обоюдная страсть достигла апогея, и «КОНСТАНТИНОВ» почувствовал, как женское тело забилося в последних счастливых конвульсиях обладания. Тела их замерли. Ширин, больно вцепившись Аристотелю в грудь, испытующе наблюдала за ним, вперила взгляд в его зрачки. Он приподнялся над ней и совершенно неожиданно для самого себя громко рассмеялся.

– Ари, что происходит? – забеспокоилась женщина.

– Ширин, тебе сколько лет?

– Двадцать семь... А что?

– Нет-нет, ничего... Ты сумела мне вернуть мои двадцать семь. Безумие какое-то... Подумать только, десятки женщин пролетают в твоей жизни, как снежинки во время метели, как вдруг – стоп машина! Ты нашел то, что искал всю жизнь...

Аристотель испытывал счастье и боль одновременно, глядя на это щедрое молодое тело, преисполненное неги, готовое к пылкой отдаче, эти влекущие глаза, одинаково хитрющие и доверчивые. Он думал о том, что между ним и турчанкой дистанция в два десятилетия, и... генерал Козлов. А так хочется продлить эти мгновения яростного первобытного блаженства, когда это тело, разгоняемое тобою, мычит и сладко воеет, а ты нутром чувствуешь, что забавы с ним никогда не прискучат и не внушат усталости, потому как, не успев закончить первый заезд, ты уже вновь готов продолжить эту лютую скачку!

«Вот и попробуй изложить это генералу в отчете о совращении турчанки! Да разве я сумею это описать? Да разве он сумеет это понять?! Странно, – вдруг пришло в голову «КОНСТАНТИНОВУ», – а девочка что? Уже никуда не торопится?»

Будто подслушав его мысли, Ширин обеспокоено спросила:

– Ари, который час? Боюсь, что меня уже ищут в посольстве!

– Я сейчас вызову из Генерального штаба вертолет, и он тебя доставит прямо в кабинет посла. Только, чур, не одеваться!

* * *

Кудрявцев обвел взглядом притихших слушателей и, улыбнувшись, произнес:

– В заключение мне остается добавить, товарищи курсанты, что хоть и преуспела объект оперативной разработки «РЕЗИДЕНТША» на поприще обольщения мужчин, но побеждает тот, кто старается сильнее. Не зная поражений в любовных играх турчанка сама угодила в «медовый капкан» – через месяц интенсивных свиданий «КОНСТАНТИНОВ» сумел влюбить её в себя. Пробным камнем любви турчанки к агенту явилось похищение ею чистого бланка турецкого паспорта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.